

Его величество Смерть



Ирина
МЕЛЬНИКОВА
Георгий **ЛАНСКОЙ**

Ярость валькирии

Его величество случай

Ирина Мельникова

Ярость валькирии

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мельникова И. А.

Ярость валькирии / И. А. Мельникова — «Эксмо», 2016 — (Его величество случай)

ISBN 978-5-699-88639-5

Полиции становилось все труднее держать это дело в тайне. Страшно представить, какая паника начнется в городе, если станет известно о том, что какой-то маньяк нападает на женщин и режет им лица скальпелем. Жертвы оставались в живых, но были страшно изуродованы... Журналиста Никиту Шмелева коварно уволили из родной газеты. Теперь, чтобы остаться на плаву и найти новую работу, ему кровь из носу нужен эксклюзивный сенсационный материал! Когда к нему в руки случайно попала информация о маньяке, он понял, что просто обязан провести журналистское расследование параллельно с полицией. Тем более очередная жертва оказалась крупной чиновницей и после нападения не выжила...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88639-5

© Мельникова И. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Мельникова, Георгий Ланской

Ярость валькирии

© Мельникова И., Ланской Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Снег поскрипывал под ногами. Легкий морозец был даже приятен после духоты и тяжелых запахов квартиры, которую она недавно покинула. Небо очистилось от туч, и над головой, в черном, как гуталин, пространстве, сверкали яркие мохнатые звезды. Длинные тени деревьев и фонарных столбов пересекали тропинку, протоптанную в сугробах. Снег падал на город с раннего утра до вечера, и коммунальщики едва-едва успели изобразить центральные улицы, а дворники прочистили лишь узкие пешеходные дорожки на тротуарах. До подобных закоулков руки не дошли ни у тех, ни у других.

Яркая вспышка и следом резкий хлопок за ближними гаражами заставили женщину вздрогнуть и на мгновение остановиться. Видно, мальчишки разминались перед Новым годом: пугали прохожих, взрывая петарды.

– Черт! – выругалась она. – Будь вы неладны, шпана малолетняя!

И поспешила дальше.

На детской площадке перед ее домом несколько дней назад установили елку, украсили цветными лампочками и бумажными гирляндами, залили каток. Вечерами там было светло и шумно. Детвора и взрослые катались на коньках, а из динамиков лилась веселая музыка.

Но настроение у припозднившейся женщины было совсем не праздничным, несмотря на щедрую годовую премию, малую часть которой она успела потратить на разные приятности, давно присмотренные в бутиках. Правда, для этого пришлось сбежать с работы под видом совещания в областной администрации. Но, завершив покупки, она к концу рабочего дня честно вернулась в кабинет, хотя мечтала скорее добраться домой и снова примерить обновки. Вместо этого она завершила все дела, чтобы с чистой совестью уйти на новогодние праздники. Правда, припозднилась слегка, но предупредила домашних, что задержится. И уже предвкушала, как обрадуются подаркам муж и сын. Все-все складывалось отлично! И, ко всему прочему, почти получилось выбросить из головы вчерашнее происшествие, и если бы не звонок, который настиг ее на пороге...

Она и представить не могла, что он позвонит на служебный телефон. Значит, воспользовался визиткой, которую, не подумав, оставила ему при случайной встрече на одном из совещаний...

«Какая мерзость!» – Она передернулась от отвращения, вспомнив, как накануне пыталась смыть под горячим душем липкие прикосновения неопрятного мужчины с запахом старого перегара изо рта. Красное от вождения лицо, слипшиеся, давно немытые волосы, влажные от пота руки... Как этот гнусный тип осмелился допустить, что его жалкий лепет и оправдания заставят ее вернуться?

Только она и сама хороша, конечно! Почему так бездарно прокололась, когда тем и славила в фонде, что видела каждого посетителя насквозь и чувствовала, чем он дышит еще на полете к кабинету? Повелась, как юная гимназистка, на дешевую лезть и заезженные комплименты?

А ведь поначалу все складывалось вполне цивилизовано. Легкий разговор, чашечка зеленого чая... Правда, взгляд хозяина ей сразу не понравился. Скользящий, оценивающий взгляд... Но в его глаза, круглые, с толстыми веками, и слегка выпуклые, как у диабетиков, она старалась не смотреть. И он вел себя вполне пристойно, вольностей не позволял, скабрзности не говорил, но в третий ее визит без обиняков предложил раздеться. Совсем! Она вскочила со стула, возмутилась, бросилась в прихожую. А он норовил удержать, бормотал какую-то чушь, затем стал грубо хватать за руки, плечи, больно стиснул грудь, и тогда она наотмашь ударила его, разбила нос...

– И на старуху бывает проруха! – Женщина вздохнула и вдруг рассмеялась. – Проруха! Забавное слово!

Синусоида настроения пошла вверх. В конце концов, ничего страшного не произошло. Подумаешь, облапали! Чай, не впервой! Случалось и хуже, но ведь терпела и унижения и обиды. Тогда, в молодости, когда недели не проходило, чтобы начальник не вызывал к себе под вечер «с отчетом». Господи, как давно это было, а она до сих пор помнила его тяжелое сопение, мокрые губы и цепкие пальцы...

Уже слышна была музыка с катка, впереди завиднелись огни елки. Значит, совсем рядом дом, теплая и уютная квартира, где ее ждали муж и сынишка...

Она прибавила шаг, чтобы проскочить арку – низкий и мрачный тоннель – вход во двор, в котором частенько крутились бомжи, наркоманы и дворовая пьянь. Зимой здесь завывали на все лады сквозняки, и желавших проводить время в зловонной трубе находилось немного. Но каждый раз, возвращаясь домой, она старалась пробежать самый темный участок пути как можно быстрее.

Телефон запиликал, когда она почти достигла выхода из арки. Женщина достала трубку из кармана. Неужто подлец узнал номер ее мобильного? Она раздраженно глянула на экран, и губы невольно расплылись в улыбке. Сын беспокоится! Попыталась нажать кнопку, чтобы ответить, но аппарат выскользнул из пальцев, обтянутых задубевшей на морозе кожаной перчаткой, и свалился в сугроб.

– Зараза! – вскрикнула женщина.

Она наклонилась, поставила сумки у ног, выудила из снега успевший замолчать телефон и открыла список входящих звонков.

Свет дворовых фонарей впереди погас, закрытый чьей-то спиной. Под чужими ногами захрустел, как хворост, снег.

Женщина вскинула голову и задохнулась от ужаса, когда черная тень ринулась на нее. Она успела подхватить сумки и, пытаясь защитить себя от удара, прижала их к груди, отшатнулась к стене и даже заметила – что-то блеснуло в руке незнакомца. И следом – пронзительная боль, полоснувшая по лицу раз-другой, более сильная, более жуткая, чем страх. Боль отключила сознание, повалила на снег. И женщина уже не чувствовала новых ударов, которые кромсали, резали ее плоть...

И только теплая кровь долго не желала остывать и даже слегка растопила багровый снег под лежавшим навзничь женским телом...

Глава 1

Никита вылетел из кабинета главного редактора, как мечом рассек надвое толпу коллег, нервно роившихся у двери приемной, и быстрым шагом, почти бегом, направился к выходу из редакции. Глаза его метали молнии, на щеках выступили красные пятна, а на скулах – желваки. В таком состоянии его видели редко, и поэтому коллеги быстро убрались подальше от поля боя, которое только что покинул Никита Шмелев. Конечно, каждому хотелось знать, что произошло там, за тяжелой дверью. И каждый, смекая, втайне радовался, что участь Шмелева его пока миновала.

Пару месяцев редакцию будоражили слухи о неминуемых сокращениях. Сотрудники притихли, приобрели потерянный вид, по редакции передвигались бочком и на цыпочках, а переговаривались почти замогильным шепотом.

Одни, самые нервные, терзали расспросами секретаря редактора, но она знала ровно столько же, сколько и весь коллектив. Другие, кто исподволь, кто открыто, льстили и подлизывались к начальству. Третьи же утешали себя, что волна сокращений коснется не журналистов, а, скажем, технического персонала, к примеру наборщиков. И в самом деле, зачем они нужны, если каждый журналист владеет компьютером и в состоянии напечатать любой текст?

На пике этих слухов валерьянкой отпаивали уже наборный цех. Следом стали переживать верстальщики, фальцовщики, уборщицы. То и дело в курилке слышались, чуть ли не апокалипсические прогнозы и робкие еще проклятия в адрес шефа. Но все втихую, и журналисты и технари, подыскивали новую работу, хотя разгуляться особо было негде. На всех хлебных местах в городе давно и прочно сидели другие репортеры и другие верстальщики.

Гром грянул, откуда не ждали. Первым, кого решили сократить в редакции, оказался самый высокооплачиваемый, известный на всю область криминальный репортер.

– Уж если его выгнали, нам совсем хана! – мрачно заметила корреспондент отдела экономических новостей, проводив взглядом Никиту, который промчался мимо. – Шмелева хотя бы читали. Считай, кранты рейтингу без его исследований. – И повернулась к коллегам из отдела культуры. – Ой, девки, чуёт мое сердце, выкинут нас на улицу, как котят! Или зарплату срежут! Как дальше жить? У меня два кредита...

Догонять Никиту и тем более открыто сочувствовать ему никто не отважился. Теперь, когда внезапно попавший в опалу репортер покинул здание, притихшие от страха коллеги расползлись по своим углам, размышляя о собственной незавидной судьбе. Что касается Никиты, который направился к своему «Фольксвагену», то его мысли были мрачнее некуда!

И что теперь? Куда деваться?

По большому счету ехать Никите никуда не хотелось. Можно, конечно, вернуться домой, завалиться на диван и немножко «пострадать», как иногда с ним случалось. В трудные минуты Никита старался уединиться, забиться в щель и пережить приступы отчаяния и тревоги, не вынося их на всеобщее обозрение. Но сегодня кроме разочарования в нем плескалась ярость, которая требовала выхода. Нужно было приглушить ее немедленно, иначе вырвется наружу, и тогда все пропало. Под раздачу мог попасть кто угодно, от сотрудника ДПС до официанта. Тут Никита вспомнил, что с утра не успел позавтракать, и припарковался у кафе. Хороший обед смог бы придавить каменную жабу, которая вольготно разлеглась у него на сердце. Но, выйдя из машины, Никита наткнулся взглядом на «Тойоту» со знакомыми номерами.

– Судьба! – хмыкнул он и быстро взбежал по ступенькам.

Оставив короткий пуховик в гардеробе, Никита пригладил вечно торчавшие вихры и вошел в зал. В кафе было малоллюдно, но за дальним столиком сидела Юлия Быстрова, с отрешенным видом смотрела в окно и ковыряла ложечкой пирожное.

Никита глянул в том же направлении. Пейзаж за стеклом был не просто унылым, он был удручающим. Серое небо, серые деревья, серый снег на обочинах... И люди, которые спешили по своим делам, все, как один, с серыми усталыми лицами. И даже вороны – горластые, с взерошенными перьями, почти не отличались от чумазых голубей, обсевших люки тепло-трассы в надежде погреться. Лишь автомобили были разных цветов, но и те помутнели среди всеобщей серости...

Недолго думая, он подошел и без лишних церемоний уселся за стол.

– Привет!

Юля косо глянула и небрежно подтолкнула к нему папку с меню.

– С чего вдруг кисляк на лице? – спросила она.

Никита дернул плечом и, не глядя в меню, буркнул официантке:

– Солянку, блинчики с мясом, кофе.

– Какой соус к блинчикам? – осведомилась та.

– Сметана с зеленью, – ответил Никита и перевел хмурый взгляд на Юлю.

Быстрова заметно повеселела:

– В тебе таки пробиваются барские замашки. Вон как с девушкой суров! Знай, челядь, свое место! Барин приехал!

– Угу! – мрачно кивнул Никита. – Побарствую напоследок. Поздравь, сегодня Аскарков вручил мне первому письмо счастья – приказ о сокращении. Зарплату за два месяца еще заплатят, отпускные за проработанное время, а потом – на биржу.

Юля подскочила на стуле и ахнула так, что мужчины за соседним столиком обернулись в недоумении.

– Как это, сократили? – воскликнула она. – Тебя? Но это невозможно! У них же газета мигом сдохнет!

– Меня! – сокрушенно ответил Никита. – Вот такая у нас текучка! Ой, какая страшная у нас текучка! А газета и со мной сдохла бы, но чуть позже, конечно!

– погоди! – медленно сказала Юля. – Не верю! Слишком все просто получается! Они ж не дураки, чтобы так безответственно и недальновидно оголять одно из стратегических направлений? Наверняка кому-то пообещали твое место! Позволь поинтересоваться кому?

– Аньке Лужиной, – нехотя ответил Никита и вздохнул, заметив, что Юля недоуменно подняла бровь. – Она на светской хронике сидела. Теперь с тем же успехом перейдет на криминал. Ну и с шефом будет попутно блудить.

– Как незатасканно и глубоко символично! – фыркнула Юля. – Юная львица строит карьеру через постель. Представляю, как она выедет на труп и после живописует преступление. Умора! Миронов удавится! Я ведь даже ее светских репортажей не помню.

– Какие там репортажи? – скривился Шмелев. – Ходила по выставкам, мелким тусовкам, писала с гулькин нос... «К нам приехал этот, от нас уехал тот...» «В ДК прошла выставка картин самобытного художника...» «В Доме творчества состоялся концерт балалаечников...» Ты, к примеру, бываешь на концертах балалаечников?

Подошла официантка, расставила на столе тарелки с едой, пожелала приятного аппетита и удалилась. Юля снова принялась ковырять пирожное, видно, не решалась продолжить разговор, пока Никита не насытится. А тот машинально поглощал солянку, и глаза его мрачно поблескивали в надвигавшихся на город ранних сумерках.

– Да-а-а! – наконец протянула Юля. – Веселенькая картинка!

– Не то слово! Ты права, пропала газета. Теперь всю полосу отдадут под ментовские пресс-релизы, а ты ведь помнишь, как они пишутся. Вон вчера прислали: «Автомобили, которые моются у водозаборных колонок, не представляют, что их владельцы нарушают общественный порядок». Каков стиль? А слог каков? Оценила? Кстати, Аскарков поначалу вообще не хотел Аньку на работу брать. Но кто-то за нее подсутился, надавил. Сидела на мизерном

окладе, вела полосу для тинейджеров, затем переползла на культуру. И вдруг – бац! Мне – пинок под зад, а ей – мое место.

– Где же она Аскарову подмазала?

– Накануне Рождества собиралась важная туса у мэра, – нехотя сказал Никита. – Гуляли сливки общества. Сильно сомневаюсь, что Анька получила приглашение, но все же какими-то путями туда проникла. Жанка, ну ты помнишь ее, из пресс-службы мэра, мне потом шепнула, что пьяный в сиську Аскаров обжимал Аньку на лестнице. А ты его знаешь...

– Кто бы сомневался! – ухмыльнулась Юля. – Этот мачо трахает все, что шевелится. Лет пять назад и ко мне клинья подбивал.

– И что? – Никита поперхнулся солянкой. – Отдалась на пожарном ящике с песком?

– Еще чего? Получил по мордасам. Во-первых, я была уже на тот момент замужем. Во-вторых, я не строю карьеру через секс с мерзкими типами. А твой Аскаров, кстати, не просто мерзавец, а подлая, продажная тварь. Помнишь, как звонко распевал дифирамбы, когда тебе вручали премию «Свободная пресса»? Ведь и месяца не прошло!

Она сжала пальцами виски и уставилась на Никиту исподлобья.

– И все-таки не пойму, как можно подставить под серьезный удар газету из-за девки, которой цена – копейка, и то в базарный день? Кто будет читать пресс-релизы вместо блестящих репортажей?

– Зато Аскаров понимает! – Никита расправился с солянкой, отодвинул тарелку в сторону и принялся терзать ножом и вилкой толстый блин, залитый сметаной и припорошенный укропом и петрушкой.

– Знаешь, что он пообещал напоследок? Поставить в номер любой горячий материал, который я раскопаю. То есть решил скинуть меня на гонорары. А еще робко попросил слегка натаскать его ляльку. «Ах, ах, Никитушка! Сдал бы ты Анюте свои связи! Она ж молода и неопытна, девочке надо учиться! А я уж отблагодарю! Ты меня знаешь!»

– Брависсимо! – хлопнула в ладоши Юля. – Выходит, оклад, медицинскую страховку, премиальные получит эта деваха, а пахать будешь ты? За жирный кукиш? Плюс, как собачонку, должен натаскать ее на дичь? И что ж ты ему ответил?

– Ответил, что облезут! – невнятно пробурчал Никита, потому что затолкал в рот большую часть блина. – Вместе с Анечкой! Я десять лет эти связи нарабатывал, мелким бесом крутился, низко кланялся, лебезил, где-то врал, где-то платил. А теперь должен за просто так отдать? С какого перепуга, спрашивается? Меня что, кремировали и прах по ветру развеяли? Нет, я жив, здоров, и эти связи еще как самому понадобятся!

Юля терпеливо выслушала страстный монолог приятеля. Похоже, он ничего не прояснил.

– Все равно не понимаю! – пожалала она плечами. – Аскаров мог бы спокойно найти себе девку на стороне без заморочек...

– Какие заморочки? Анька будет получать в два раза меньше. Плюс регулярно исполнять упражнение на бревне. Газеты медленно, но верно умирают, с Интернетом бесполезно сражаться. Аскаров пытается экономить...

– На лучших людях? – недоверчиво прищурилась Юля. – Не верю! Сдается мне, не в Аньке тут причина и не в экономии! У вас там добрая дюжина бездельников отирается, кого можно сократить без особых потерь. Даю голову на отсечение, кто-то явно поспособствовал твоему уходу! Скажи честно, кому из учредителей или рекламодателей ты прищемил яйца?

– Не, учредители – табу. Это – священные коровы, кто их тронет, тот три дня не проживет, а вот рекламодатели... – Никита возвел очи горе. – Может, и цапнул кого, их ведь тьма-тьмущая, всех не упомнишь. Но последние полгода ни с кем не судился и угрожать особо никто не угрожал!

– А скажи-ка, друг-сосиска, ты, случайно, с этой Аней не спал?

Никита завилел взглядом. Юля откинулась на спинку стула и с довольным видом про-изнесла:

– Вот тебе и ответ!

– Да ладно! Мы ж всего разок-другой, – возмутился Никита и досадливо поморщился. – Ты права! Утаить что-то в нашем курятнике невозможно. Но сводить счета из-за девки все-таки моветон, *ma chérie!*¹ *Do you understand?*²

– Андестэнд, андестенд! – усмехнулась Юля. – Тоже мне полиглот! – И задумчиво молвила: – Все-таки вариант с любовницей пока для тебя лучший!

И выбила пальцами дробь на столешнице.

Никита залпом выпил остывший кофе и поморщился:

– Фу, как мелко и противно! Стать жертвой козней старого ловеласа и дешевой профурсетки! Лучше уж смерть на баррикадах!

Затем нашел взглядом официантку, поднял чашку и ткнул в нее пальцем.

Та понятливо кивнула и спустя минуту принесла кофе.

Никита сделал глоток и перевел взгляд на Быстрову.

– Со мной все ясно, но тебе-то как работается под крылом дорогого супруга?

– Работается! Как псу в колоде! – вяло ответила Юля. – Только и знай, что лапами перебирай, чтобы не захлебнуться! Можно мне тоже кофе? – обратилась она к официантке.

И когда та мигом исполнила заказ, продолжила, морщась, как от оскомины:

– Никогда бы не подумала, что буду умирать от скуки. И ведь должность по большому счету не отличается от редакторства в журнале. Там пиарила бомонд, здесь – автосалон. От машин хоть претензий нет, и скандалы они не закатывают!

– Не закатывают! – передразнил ее Никита и рассмеялся. – Ты это кому другому расскажи! Весь город в курсе, как ты троллишь конкурентов!

Юля лишь криво усмехнулась.

Стартовую рекламную кампанию она провела с блеском. Первым делом поместила огромный баннер напротив автосалона с романтическим названием «Мираж». Он принадлежал сильным, и поэтому главным конкурентам. Помимо завлекательных цен на иностранные автомобили, дизайнер по указке Юли изобразил на баннере жирную красную стрелку, что указывала в обратную от «Миража» сторону. Такие же баннеры разместили вдоль всего маршрута, что вел к автосалону Валерия. Автолюбители машинально следовали стрелкам, которые приводили их на другой конец города.

Затем, повинувшись четким распоряжениям, рядом с автосалоном конкурента появились молодые люди с толстыми пачками рекламных листовок. Разноцветные бумажки толкали за «дворники» машин, раздавали прохожим, разносили по почтовым ящикам, заклеивали ими доски объявлений. Следом во всех газетах возник модуль якобы шуточного содержания, на котором был изображен автомобиль, застывший в пустыне на фоне финиковых пальм, а под ним шла издевательская надпись: «Покупайте автомобили только у нас. Остальные салоны всего лишь мираж!»

Апофеозом этой схватки стал еще один баннер, на городском гипермаркете. Владелец «Миража» не поскупился на гигантское полотно, на котором громадными буквами было выведено: «У нас лучшие цены!» и указан адрес салона. Юля велела немедленно вывесить свой баннер рядом, но чуть выше, с надписью: «Нет, у нас!» в компании той же стрелки, которую снабдили ехидной улыбкой.

– Целых три месяца я была почти счастлива, – уныло поведала Юля. – Продажи подскочили на двадцать процентов, а у соперников, как сообщила разведка, упали на тридцать.

¹ Моя дорогая (*фр.*).

² Ты понимаешь? (*англ.*)

Черкалин, владелец «Миража», знаешь, как бесновался? Судом грозил, обещал бандюков при-слать, полицию натравить, прокуратуру и Антимонопольный комитет, но только зубы обломал и сдулся. Иногда видимся, он загадочно улыбается и порывается ручки целовать. А мне скучно, до тошноты! Никогда не думала, что стану тосковать по прежней работе.

– Так возвращайся! – Никита ехидно прищурился. – Будешь вести вместо Аньки свет-скую хронику. У тебя лучше получится, потому как в иных кругах вращаешься.

– Не до хроник сейчас! – отмахнулась Юля. – У меня в работе еще один автосалон. Но там возни почти никакой! Заправляет баба, абсолютно не креативная.

– Ты прям Скарлетт О'Хара, – усмехнулся Никита. – Правда, та лесопилки скупала!

– А что? Лесопилки – весьма неплохое вложение денег! – расплылась Юля в довольной улыбке. – Лучше скажи, чем сам думаешь заняться?

– Не знаю пока, – вяло отмахнулся Никита. – Я тут кое-куда резюме заслал, они обо-млели от счастья, но тупо городские новости им не нужны, требуют эксклюзивных расследова-ний, громких скандалов. А какие сейчас расследования? Какие скандалы? Только-только елки разобрали и на помойки выбросили. Город спит и раньше февраля не проснется.

– Закинь им что-нибудь из старого.

– Я ж тебе объяснил, они требуют нечто небывалое! Неслыханное и невиданное! А у меня все давным-давно опубликовано! Будет что-то взрывное, непременно возьмут. Хоть лбом в стенку стучи: пошли, Господи, что-нибудь этакое, чтоб все вздрогнули.

– Заткнись! – сказала сурово Юля. – Накаркаешь в недобрый час!

Глава 2

В отделении хирургии воняло лекарствами, хлоркой и какой-то едкой химической дрянью. Майор Кирилл Миронов невольно поморщился, на мгновение попытался не дышать, но махнул рукой и отважно вдохнул больничный воздух.

В городском стационаре Кирилл оказался по служебной надобности. При его должности в розыске он мог спокойно отправить с поручением любого из подчиненных, но его опера занимались не менее тяжкими преступлениями. Командировать же зеленого стажера, которому даже охрану кулера нельзя доверить, себе дороже. Завалит дело на дальних подступах!

К счастью, эти преступления еще не обросли слухами и не попали на страницы газет, потому что случились в «мертвый» для прессы сезон: накануне Нового года и после него. Но Миронов не обольщался и ждал неминуемого взрыва со дня на день. Утаить подобные, да еще серийные безобразия от общественности крайне сложно. Как ни таись, как ни скрывай прискорбные факты, они непременно всплывут на поверхность и станут достоянием самой широкой публики. Вне сомнения, в городе объявился маньяк – беспощадный и наглый, который поджидал своих жертв буквально на пороге их дома.

Этот выродок никого не убил, не ограбил, не изнасиловал, но никто из четырех пострадавших женщин легко не отделался. У каждой из них было изуродовано лицо. Надо полагать, намеренно! Вырвавшись из его лап, женщины долго приходили в себя от шока, а после, взглянув в зеркало, заходились в истерике или впадали в жуткую депрессию. Если учесть, что дорогие пластические операции были им не по карману, то можно легко представить, сколь печальное и безнадежное будущее глядело в глаза каждой из них.

Никакой связи между жертвами не просматривалось. Они нигде по жизни не пересекались, жили далеко друг от друга, работали в разных местах, и по возрасту, и внешне ничего общего не имели. По всему выходило, что маньяку было все равно, на кого из женщин напасть и чье лицо обезобразить.

Но в случайные нападения Кирилл не верил. В каждом из эпизодов жертва на какой-то момент оставалась вне поля зрения поздних прохожих или жильцов дома. А этот момент и место, где жертва и преступник окажутся недостижимы для глаз свидетелей, необходимо было заранее вычислить. Значит, маньяк не просто выслеживал свою жертву, он тщательно готовился к встрече. А такие действия на сезонное обострение никак не смахивали.

Того не замечая, майор задумчиво раскачивался с пятки на носок. Туда-сюда, туда-сюда. Движение – это жизнь. Движение, пусть даже такое, успокаивает. А он нервничал и ничего не мог с этим поделать, хотя, казалось бы, за столько лет должен был привыкнуть и к крови, и к страданиям, и к смерти. Медсестра на посту поглядывала на него с любопытством и вроде даже пыталась строить глазки. Но Миронов смерил ее холодным взглядом, и медсестра, надменно вздернув подбородок, отвернулась.

В отделении, вероятно, наступил сончас, потому что больные разбрелись по палатам, а санитарка открыла окна в коридоре. Потянуло сквозняком, свежим морозным воздухом, и дышать стало легче.

Миронов посмотрел на часы. Где же этот доктор, черт его побери?

Хирург, молодой, долговязый, с длинным носом и черными, по-коровьи влажными глазами, вынырнул откуда-то сбоку, затормозил напротив и, глядя на Миронова с высоты почти двухметрового роста, вежливо поинтересовался:

– Вы из полиции?

– Да! Майор Миронов, отдел по борьбе с особо тяжкими... – ответил Кирилл и ткнул ему под нос удостоверение, пытаясь при этом восстановить в памяти фамилию хирурга. Смешная какая-то! Подковыркин? Подкорытов? Простодыров?

Так и не вспомнил и поэтому вежливо осведомился:

– Вы – Валентин Владимирович?

– Нет, Владимир Владимирович, – усмехнулся хирург. – Как президент... Легко запомнить!

– Простите! – сконфузился Кирилл, хотя никакой вины не чувствовал. Подумаешь, забыл! Но тут же разглядел, что написано на бейджике хирурга. Первородов, чтоб его! И уже официальным тоном спросил: – Что у нас с пострадавшей? Как ее состояние?

– Состояние стабилизировалось, – пожал плечами хирург. – А привезли едва живую. Большая кровопотеря, пульс почти на нуле, пришлось срочно переливать кровь. Сейчас она в сознании, но под действием седативных средств, поэтому несколько заторможена. Выводим ее из шока. На левой руке пришлось зашивать лучевую артерию. Видно, закрывалась руками от нападавшего, и он полоснул по запястью. При таких ранениях человек мигом теряет сознание, и буквально через пару минут наступает смерть от кровопотери. Женщине повезло, что при падении она придавила раненую руку телом, к тому же упала в снег, и это ослабило кровотечение. Операция на лице прошла успешно. Мы, конечно, старались сделать все возможное, наложили косметические швы, и все-таки шрамы останутся. Тут уж не в наших силах что-то исправить. Внутренних повреждений, кстати, нет, лишь несколько гематом, полученных при падении.

Кирилл кивал и быстро записывал в блокнот то, что говорил доктор. Хирург смотрел сверху, как страус, на цепь непонятных каракулей и делал паузы, если майор не успевал за его рассказом.

– Вы сказали: синяки от падения? – уточнил Кирилл.

– Да, разбиты колени и штук пять небольших гематом на теле. Возможно, ее пару раз пнули по ребрам, но от более серьезных повреждений спасла шуба, в которой она была.

– А характер ранений? Можно сказать, чем их нанесли?

– Если хотели бы зарезать, то зарезали бы, – поморщился хирург. – Думаю, скорее, пугали или мстили за что-то. За измену или отказ переспать! Озабоченных в этом плане хватает! Раны, конечно, неприятные, лицо развалено до кости, но хоть глаза не задеты. И еще я думаю, нанесли их не ножом.

– А чем? – оживился Кирилл и поднял взгляд от блокнота.

– Скорее всего, опасной бритвой. Нет, я, конечно, не настаиваю, но, судя по всему, лезвие было тонким и острым, как скальпель.

На этих словах Кирилл сделал стойку. Если до заключения Первородова он слабо надеялся, что очередная женщина стала жертвой шального гопника, то теперь эта надежда улетучилась. Очень уж много было совпадений, включая орудие преступления.

– А вдруг на самом деле скальпель? – осторожно спросил он.

Никаких «вдруг» Миронов не признавал, а в голове мигом родилась версия, абсолютно бредовая, более подходившая для детективного романчика или плохого сериала. Жертву нападения доставляют к хирургу-убийце, и тот чинит пострадавшую тем же скальпелем, которым пытался ее зарезать накануне. Красота! Хотя, если разобраться, не такое уж фантастическое предположение. Ему вспомнился случай из лекций по истории советской милиции, которые им читали в школе МВД. Уголовное дело хирурга где-то в начале семидесятых. Тот сделал поздний подпольный аборт, а ребенка – девочку, которая оказалась живой, с перепуга выбросил в полынью. Но затем, мало того что выхаживал ее в больнице, так еще и удочерил, мучаясь угрызениями совести.

– Не исключено, – согласно кивнул врач. – Края раны не рваные, разрезы тонкие. Нож, уж поверьте моему опыту, оставляет другие следы, особенно если лезвие зазубрено, как у некоторых кухонных или армейских.

Кирилл небрежно, без пробела нацарапал поперек листка «Ненож». Слово получилось забавное и немного опасное. Чем резали жертву? *Неножом* – новым видом холодного оружия.

– Побеседовать с ней можно? – спросил майор без особой надежды.

– Да что вы! – возмутился Первородов. – Сказано ведь: мы ей ввели седативные, боюсь, она двух слов связно не скажет. К тому же, не забывайте, у нее лицевые мышцы пострадали. Приходите завтра.

– Да нет у меня времени ждать до завтра! – с досадой сказал Кирилл и резко захлопнул блокнот. – Этого ублюдка быстрее поймать надобно, пока город не встал на уши. А вдруг он еще кого порежет? Это ведь... не первая жертва.

Последнюю фразу он добавил чуть тише и гораздо внушительнее. Доктор Первородов мгновение молча смотрел на него. Шестеренки в его голове щелкали отчетливо, как в часах с кукушкой. Щека у хирурга дернулась. Тезка президента стопроцентно не хуже Миронова знал, что подобная жертва не первая.

«Сам небось им лица зашивал, – раздраженно подумал Кирилл. – А сейчас корчит из себя девочку несмышленную!»

Но доктор Первородов из себя явно никого не корчил и оказался весьма понятливым. Зябко поежившись, он обратился к медсестре:

– Лена, закройте, наконец, окна в отделении! Больных простудите! – Затем повернулся к Кириллу. – Ладно, попробуем, может, она не спит. Только недолго!

Это была удача. В прошлый раз пришлось ждать несколько дней, прежде чем жертва нападения отошла от шока. Но к тому времени все детали смазались, стерлись болью, так что толку от женщины как от свидетеля не было никакого. Две предыдущие жертвы вообще не разглядели нападавшего.

Стянув халат на груди, Кирилл вошел в палату.

Женщина с забинтованным, как у мумии, лицом лежала у окна и – о, чудо из чудес! – действительно не спала, насколько это можно было понять. Из-под желтоватой от лекарств повязки виднелся только один глаз: мутный, налитый кровью. Запястья ее тоже были забинтованы, и руки лежали поверх одеяла. Очень красивые руки, как отметил опытным взглядом майор, маленькие, но с длинными изящными пальцами. При его появлении в палате женщина глухо застонала и напряглась, словно опасалась, что незнакомый мужчина тотчас накинется на нее. Кирилл сделал успокаивающий жест, глянул в блокнот, где были записаны данные больной, и произнес, стараясь вложить в голос максимум уверенности и спокойствия:

– Здравствуйте! Моя фамилия Миронов. Я из полиции, отдел по особо тяжким преступлениям против личности. Татьяна Ивановна, вы помните, что произошло с вами?

Израженные, в темной корочке губы женщины что-то невнятно прошелестели, а из глаза покатались слезинки, сгинувшие в бинтах, словно ручей в песке.

– Не волнуйтесь, пожалуйста! – вмешался Первородов. – Вы в больнице, в полной безопасности, никто вам не угрожает. Попробуйте рассказать о том, что помните.

Женщина перевела взгляд на врача и затем тихо, с натужными хрипами в горле произнесла:

– Я... работаю диспетчером... на железной дороге. Домой шла со смены... Темно уже было и скользко... Фонари не горели во дворе, я под ноги смотрела, чтобы не упасть... А потом... Потом... Он напал.

– Нападавший что-нибудь говорил? Кричал? – быстро спросил Кирилл.

– Ни слова! Я даже не поняла, когда он в первый раз ударил. Почувствовала, как щеку обожгло, и тут увидела, что он рукой взмахнул...

Пострадавшая закашлялась и, с трудом отдышавшись, произнесла:

– Я упала на спину, хотела лицо закрыть... А он... Он опять ударил, по рукам...

Лицо женщины дернулось под бинтами, губы скривились, и она беззвучно заплакала. Чувствуя себя чуть ли не живодером, Кирилл осторожно погладил ее по руке.

– Ну, ну, успокойтесь, – мягко сказал он. – Самое страшное позади! Все теперь хорошо! Вы заметили какие-нибудь приметы? Как он выглядел, этот нападавший?

«Самое страшное как раз впереди! – подумал он с отчаянием. – В ее жизни уже ничего хорошего не будет, это ж ясно! В оставшиеся годы станет прятать лицо от людей, отворачиваться от фотографов и, возможно, даже на свадьбе своего ребенка, если таковой есть, постарается остаться за кадром».

Не подозревая о его мыслях, женщина всхлипнула и ответила:

– Темно было! Все очень быстро! Одно помню, огромный. И пуховик черный, с опушкой меховой...

«Уже кое-что», – подумал Кирилл и снова спросил:

– Он не пытался вас ограбить? Вырвать сумку?

– Не знаю! Не помню! Я сразу упала... И лицо... Господи боже мой! Что у меня с лицом?

Теперь она разрыдалась всерьез, и доктор Первородов, маячивший за спиной майора, решительно шагнул вперед и резко произнес:

– Хватит на сегодня! Больная нуждается в покое!

– Извините! До свидания! – неловко попрощался Кирилл и поднялся со стула.

Женщина не ответила.

Кирилл вышел из палаты и внезапно остановился на пороге. Хирург налетел сзади, от неожиданности схватил за плечо.

– Что еще? – Голос доктора прозвучал недовольно.

– Владимир Владимирович, позвольте узнать, где вещи потерпевшей?

– Где им быть? Само собой, в кладовке. Хотите осмотреть?

– Хочу! Будьте любезны, проводите меня, если не трудно!

В кладовой дежурила бабища необъятных размеров. Глянув в удостоверение, она подала Кириллу большую коробку и предупредила: «Тут все по описи!»

Миронов тотчас вывалил содержимое на столик и долго копался в нем, осматривая каждую вещицу, и с особым тщанием сумочку потерпевшей. Кошелек с пятью тысячами одной купюрой, несколько монет разного достоинства, две банковские карты, телефон, очки в очечнике, пилка и лак для ногтей, губная помада, тушь для ресниц, тюбик мази, кажется, от болей в суставах, и еще куча всякой ерунды, которая обыкновенно водится в дамских сумочках...

– Думаете, что-то пропало? – спросил Первородов. – Маньяк унес?

– Не думаю! – медленно ответил Кирилл и вернул коробку кладовщице. – Похоже, он ничего не берет на память. Словом, он не коллекционер. Режет ради удовольствия!

Глава 3

Мария Сотникова заглушила мотор, распахнула дверцу «Форда Мондео» и неуклюже вывалилась наружу, в снег и холод. До дверей было всего несколько шагов, но ноги в тонких колготках моментально замерзли. Запахнув полы короткой норковой шубки, она поспешила в дом, атакованный колючими порывами метели. В просторной прихожей снег мгновенно растаял. Грязные лужицы растеклись по паркету. «Клава, – крикнула она домработнице. – Пол протри!» и переобулась в домашние тапочки. Постанывая, схватилась за поясницу – почти полдня за рулем, да еще пробки, да мороз, от которого зубы стыли! Она едва разогнулась и прошла в кухню.

Настроение у Марии было ни к черту.

Дела, и без того не блестящие, после новогодних праздников застопорились совсем. На страну навалился кризис, соседнюю Украину раздирали на части, а взбесившаяся Европа пыталась давить на Россию все новыми и новыми санкциями. Народ вяло возмущался, ругал хохлов и американцев, но перестал тратить деньги на роскошные вещи.

Мария знала толк в роскошных вещах, но в бизнесе – наоборот, почти ничего не смыслила.

До позапрошлого года все шло замечательно. Автомобили премиум-класса пользовались успехом у воротил местного бизнеса, и салон процветал. И пусть он не входил в список лидеров продаж, однако супругам Сотниковым на жизнь хватало с лихвой.

Но после внезапной смерти мужа все изменилось. Мария с трудом разбиралась в делах, подозревала, что управляющий в сговоре с главным бухгалтером нагло ее обманывали и обдирали как липку. Со скандалом, но Сотникова их уволила. Дела заметно поправились. А затем жажнул кризис, и пояса пришлось затянуть ту же. Теперь горожане, если хотели приобрести новый автомобиль, шли к конкурентам. Традиционные «японки» стоили дешевле, на дорогах вели себя лучше, и в обслуживании не было проблем – ни с техосмотром, ни с запчастями, ни с сервисом.

Конкуренты давили, подсиживали и подкапывали под ее бизнес. Из всех сил выживали Марию с рынка. Особенно усердствовала семейная пара Беликов-Быстрова (муж и жена – одна сатана!): искусно строили козни и плели интриги.

Валерий Беликов прежде казался Марии человеком жестким, но приличным. Во всяком случае, до кризиса он не откалывал никаких номеров, с конкурентами был весьма корректен, при встречах раскланивался и целовал ручки дамам. Но в прошлом году все изменилось. Быстрова вдруг бросила работу редактора журнала и стала трудиться у супруга креативным директором.

И теперь креатив просто зашкаливал. Вспомнив об этом, Мария вздохнула и включила чайник.

Быстрова действовала нагло, бесстрашно, невзирая на штрафы антимонопольщиков, Роспотребнадзора и судебные иски. В судах она непременно выигрывала, штрафы платила исправно и продолжала беспощадно травить конкурентов. Глумливые рекламные баннеры были еще цветочками в сравнении с теми пакостями, которые выдавал на-гора изощренный мозг бывшего редактора глянцевого журнала. Перед новогодними праздниками Быстрова совершила невероятно ловкий финт и забила потрясающий гол в ее ворота. Мария от неожиданности не смогла его отыграть и затем два дня рыдала, обзванивала клиентов и умоляла о прощении.

Дело в том, что накануне Нового года она решила провести праздничную лотерею, главным призом которой являлся автомобиль, не самый шикарный, но, как говорится, на халяву и хлорка – творог. Вбухав в теле- и радиорекламу громадные деньги, Мария ожидала небывалого

наплыва покупателей, тем более что звонки от любопытных побили все рекорды, и заказчиков оказалось довольно много.

Но в назначенный день и час почему-то никто в салоне не появился. А затем начались гневные звонки.

– Что за идиотизм, милейшая? – прорычал в трубку один из самых важных и постоянных клиентов, владелец завода тяжелого машиностроения Первушин. – Зачем приглашать клиентов, если у вас ремонт дороги не согласован?

– Какой ремонт дороги? – опешила Мария.

– Такой! Гляньте, что за бардак у вас на въезде творится!

Мария действительно ничего не знала и даже не подозревала, что кто-то подложит ей свинью накануне праздников. В салон она приехала с раннего утра, и о том, что происходило за полкилометра от него, никто ей доложить не сподобился. Недоумевая, она села в машину и помчалась выяснять причины безобразия. Открывшаяся картина поразила ее в самое сердце.

Как оказалось, неизвестные злоумышленники пригнали трактор и сгребли снег с обочин на проезжую часть, перекрыв ее огромным сугробом, да еще воткнули в него запрещающий знак, поскольку к салону Марии вела отдельная дорога, которая заканчивалась тупиком, движение на основной магистрали не пострадало. Поток машин весело сновал мимо. Потенциальные клиенты, завидев препятствие, разворачивались и утыкались чуть ли не носом в огромный щит с логотипом автосалона мерзавца Беликова, где задорная Снегурочка обещала сюрпризы, подарки и прочие новогодние радости. Рассмотрев, что у Снегурочки лицо Юлии Быстровой, Мария закричала зубами, долго и нецензурно ругалась и затем запустила снежком прямо в довольную физиономию своей врагини. Не попала и оттого, наверно, залилась истерическим хохотом.

Естественно, рабочие, которые насыпали курган, бесследно испарились. Пока вызвали спецтехнику, пока расчистили дорогу, наступил вечер. В тот день в салоне так и не продали ни одной машины. Мария распустила сотрудников по домам без корпоративного застолья и традиционных премиальных.

С Беликовым Мария столкнулась на балу у губернатора, где резко, не выбирая слов, высказала все, что думала о методах его работы. Валерий выглядел удивленным и, как показалось Марии, бросил суровый взгляд на жену. Но Юлия стояла рядом с невинным видом, и когда Сотникова наконец выдохлась, подняла хрустальный бокал, безмятежно улыбаясь, произнесла: «За процветание, Мария!» – и маленькими глотками выпила шампанское, не спуская насмешливого взгляда с разгневанной конкурентки.

– Стерва! – единственное, что сказала в ответ Сотникова и, развернувшись на каблуках, покинула бал...

Мария допила чай, выудила из чашки ломтик выжатого лимона и съела его. Похоже, ее скоро тоже сожрут и не поморщатся!

В воздухе ощутимо пахло банкротством, а у Марии не было вариантов, кроме как отползти на безопасное расстояние от края пропасти.

Конечно, чтобы не разориться совсем, салон следовало продать. Пустырь, на котором он был построен лет пятнадцать назад, сейчас окружали многочисленные новостройки, рядом – река и парковая зона, поэтому любой свободный участок земли строительные компании отрывали с руками за баснословные суммы. К ней уже не раз подкатывали потенциальные покупатели с очень заманчивыми предложениями. Но она пыталась сберечь бизнес как память о муже и отказывалась от его продажи. Но вот пришло время, когда с салоном надобно было расставаться, чтобы не оказаться у разбитого корыта.

Она решительно прошла по кухне. Эх, пан или пропал! На вырученные от продажи деньги можно было бы безбедно жить и ни о чем не заботиться. Много ли ей теперь надо, одной? Даже дом стал слишком велик и неуютен. Стены, любовно возведенные шесть лет назад,

больше не успокаивали и не вызывали ощущения тепла. Муж умер, детей они не нажили, разве что Ванюша, племянник, родная кровь, сын покойной сестры, умница, компьютерный гений... Но он совсем еще мальчик. Денег на развитие его бизнеса у нее хватит, конечно. А она пожила свое, черт побери, и слишком устала бороться!

Мария сунула грязную чашку в раковину и, прихрамывая на левую ногу, поплелась в ванную. Пятьдесят два года – это пятьдесят два года, как ни крути: давление скачет, то в жар, то в холод бросает. Более всего ей хотелось упасть на диван, уткнуться носом в подушку и, укрывшись с головой пледом, отгородиться от всего мира раз и навсегда! И от злобы, и от зависти, и от происков конкурентов отгородиться. И, конечно же, от насмешливого взгляда Быстровой – самонадеянной и безжалостной твари!

Попутно Мария заглянула в комнату племянника: чем он занят в столь поздний час, лег ли спать? Ваня не спал, сидел в наушниках перед компьютером и колдовал над какой-то программой. Мария пару минут постояла за его спиной. Хороший мальчик, не наркоман, как у некоторых! Правда, больше времени уделяет компьютеру, чем девушкам, но оно и к лучшему. Еще приведет домой какую-нибудь деревенщину, а та мгновенно забеременеет. Корми потом всю ораву!

Мария прикрыла дверь в комнату племянника и отправилась принимать ванну. Ожидая, пока ванна наполнится водой, она стояла перед зеркалом и уныло разглядывала отяжелевший подбородок, слегка отвисшие щеки и отекавшие веки. От былой красоты почти ничего не осталось, разве что ладная фигура и все еще длинные сильные ноги. Нет, нужно плюнуть на печальные обстоятельства и заняться лицом, пока она в состоянии позволить себе омолаживающие процедуры! Перед глазами вновь мелькнула ослепительная улыбка Быстровой. Мария нахмурилась, внезапная догадка пришла в голову, и глаза ее мрачно сверкнули.

Боже мой, как все просто! Эта стерва хочет ее разорить, чтобы самой купить автосалон. Вернее, участок земли, этот Клондайк... Ну, нет, подобное счастье ей не обломится! Пусть даже она, Мария Сотникова, сдохнет от инфаркта, автосалон этой негодяйке однозначно не достанется!

Глава 4

Статья не желала писаться, хоть тресни!

Вера садилась, вставала, выходила на холодный балкон покурить, пила горячий чай с прошлогодним вареньем из мелкой садовой вишни, выплевывала косточки на блюдце, раскладывала пасьянс, расставляла в ряд драгоценные камни в онлайн-игрушке, читала посты в социальных сетях и некоторые даже едко комментировала, стараясь, словно вампир, зарядиться жизненной силой и эмоциями. Получалось плохо, зарядка не срабатывала, и оттого статья выходила тусклой, бездыханной и жалкой. А писать жалкие статьи – удел неудачников и графоманов. Вера же считала себя особым явлением в журналистике и старалась лелеять это самомнение всеми доступными способами.

Она прекрасно сознавала, что тема затерта до дыр и затоптана до бетона. Туберкулез в регионе, статистика, профилактика и прочее. Кого сейчас этим удивишь? Вот если бы выдать громкий материал о венерических заболеваниях в области, о целых деревнях сифилитиков? Впрочем, о сифилисе и гонорее она планировала написать чуть позже, решив придержать тему, так как недавний инцидент сильно испортил ей настроение.

Популярный медиапортал заказал материал о росте онкологических заболеваний в регионе. Статья получилась удачной и, самое главное, не «напряжной». Мотаться по области и собирать информацию не пришлось. Статистику предоставило управление здравоохранения, интервью главврач онкологического центра дал еще год назад, и с тех пор мало что изменилось. Вера смело воткнула слова доктора в материал, присыпала статистикой, припорошила страшными данными о радоновых разломах, по которым текла река. Из нее, соответственно, питались все водопроводы города. Добавила в качестве приправы радиоактивное облако, накрывшее город после взрыва на секретном военном объекте в начале семидесятых, и украсила статью пышной розочкой в виде громкого заголовка: «Страшная тайна края».

Но не учла, что на этом портале фамилию журналиста верстали перед названием статьи. В итоге получилось: «Вера Гаврилова. Страшная тайна края». С порталом пришлось поругаться, но урон репутации был уже нанесен, и урон существенный.

Насмешки коллег и анонимных комментаторов Вера вытерпела стойко, старательно запомнив всех, кто хихикал и искрометно шутил и по поводу ее внешности, и по поводу тайны. Придет время, и она, выждав месяца два-три, несомненно, отомстит каждому. Но заголовки следовало теперь подбирать тщательно и осторожно, чтобы не давать ни единого шанса для зубоскальства и издевок. Вот только статья не писалась, хоть убей!

Еще недавно она расправилась бы с материалом одной левой. С туберкулезом в области боролись вяло, и посему можно было до бесконечности чисто риторически вопрошать: доколе? Доколе бывшие заключенные и бомжи будут бродить по улицам и невозбранно распространять палочку Коха? Доколе в городе будут отсутствовать реабилитационный центр и приют для бездомных? Доколе в тубдиспансере будут ремонтировать помещения и лечить больных дедовскими методами?

Правда, с полгода назад ситуация неожиданно изменилась в лучшую сторону. В область пришел новый начальник здравоохранения, который поменял приоритеты. На борьбу с заразой выделили кучу бюджетных денег, в тубдиспансер закупили оборудование и наконец-то закончили совсем захиревший ремонт.

Вот только новых данных по ситуации с туберкулезом у Веры не имелось. В пресс-службе областной медицины сообщили, что о победах трубить еще рано, недостатки они усиленно искореняют, а по результатам года проведут в скором времени пресс-конференцию, на которую Веру непременно пригласят. Начальник управления общаться по телефону наотрез отказался, а на личную встречу у него просто не было времени. Просить же униженно главврача

тубдиспансера об интервью и затем ехать на встречу с ним к черту на кулички, по морозу и ледяной пурге, страх как не хотелось. Да и времени ушло бы немало, а статью требовалось сдать к завтрашнему дню.

Муж отсутствовал дома вторую неделю. Этим событием мало кто интересовался, но Вера при случае сообщала знакомым – супруг в творческом поиске, пишет новую картину.

Она жила с Владимиром Кречинским тринадцатый год. И поначалу все было как в итальянских комедиях: страстно, смешно, с милой и неопасной поножовщиной – как она называла семейные скандалы. В конце концов, он тоже был творческим человеком, а у богемы не бывает жизни без игры страстей, придуманных или настоящих. Правда, в качестве примы всегда выступала Вера. Володины страсти были довольно ленивыми и прохладными, отчего ей приходилось стараться за двоих. Иной раз Вера томным шепотом делилась с коллегами, какой у нее пылкий муж, закатывала глаза и напоказ ревновала его даже к фонарному столбу. Эти постановки ее невероятно забавляли и раскрашивали жизнь в яркие цвета, особенно в периоды, когда картины супруга не продавались и он впадал в депрессию. Тогда Кречинский неделями не работал, пил горькую, смотрел мутным взглядом в стену и беззвучно шевелил губами.

Коллеги весело подмигивали, советовали ей держать мужа покрепче, мол, смотри, уведут твое золото, а за спиной язвили: «Опять в запое!» Вера свирепела и бросалась в бой.

Правда, в последнее время Владимир как-то вдруг встрепенулся, ожил и по телефону таинственно сообщил, что задумал серию шедевральных полотен, но приезжать в мастерскую – однокомнатную квартиру с эркером на девятом этаже, без ремонта и с дряхлой мебелью, запретил, чтобы не спугнуть музу. Но Вера и не собиралась тащиться через весь город на общественном транспорте с пересадками. Так хотелось побыть одной хоть немного.

Она слонялась по квартире из угла в угол, попивала остывший чай и дымила прямо в потолок, и все крутила тему и так, и этак, но снятое молоко не дает сливок. Вера это прекрасно понимала и только обреченно вздыхала, как старая лошадь в сарае. Но жизнь научила ее вертеться, точно ужа на сковородке, и поэтому она не сомневалась, что найдет способ ограничить и отшлифовать статью до нужного блеска. Но ценный, пока неоперившийся замысел ходил вокруг да около, постепенно сужая круги, и когда победный клич готов был взвиться к небесам, в дверном замке повернулся ключ.

– Верочка, ты дома?

Разумеется, дома! Слышно ведь, музыка играет, клавиатура издает нервный клекот под пальцами. Вера на голос не отреагировала, так как спешила загнать в материал резкие по смыслу, но сочные, рельефные фразы.

Голос матери, которая, как всегда, явилась не вовремя, звучал виновато. Знала ведь, что получит на орехи, но продолжала нарываться.

– Вера, почему молчишь?

Раздражение перелилось через край, затопило комнату. Вера все-таки потеряла мысль и рявкнула в ответ:

– Дома я, дома! Оглохла, что ли?

– А почему не отвечала?

– Потому что я работаю, мама, а ты мешаешь! Какого хрена тебя принесло? Врач что сказал? Гулять? Вот и гуляла бы подольше!

Мать, испуганная и несчастная, показала в дверях, так и не сняв пальтишко. Под сапогами натекли грязные лужицы, но старуха, как обычно, ничего не заметила.

– Там холодно, Верочка, – пролепетала она. – Я и так два часа гуляла, чуть ноги не отморозила. Стужа на дворе! Ветер глаза выбивает!

– Знаю я, как ты гуляла! – буркнула Вера. – Поди, у соседки чаи гоняла, а тебе вредно!

Она зло долбила по клавишам, пытаясь угнаться за ускользавшей мыслью, но та, вильнув хвостом, издевательски расхохоталась и скрылась в неизвестности. Оттолкнув клавиатуру, Вера чертыхнулась и с откровенной ненавистью посмотрела на мать.

– Опять всю малину испортила! Столько работы насмарку!

– Я же не хотела. – Губы матери плаксиво скривились.

– Не хотела! – передразнила Вера. – Что ты вообще хотела? Иди уже, раздевайся! И чтоб ни звука!

И раздраженно стукнула по столу кулаком – на каждом, даже на большом пальце она носила по массивному серебряному кольцу или перстню. Коллеги шутили, что она запросто может использовать их вместо кастета. И шутка имела основания. В конце девяностых Вера разорвала перстнем щеку незадачливому грабителю, который пытался вырвать у нее сумку с зарплатой. Говорили, что она сбила жулика с ног и каблуком проткнула ему руку. Завистники, правда, шептались, что подвиги эти из области преданий, которые Верочка сочиняла пачками, мол, попробуй проверь за давностью лет. Но завистники на то и завистники, чтобы подвергать сомнению чужие подвиги и победы.

Мать втянула голову в плечи и с опаской покосилась на рассерженную дочь. Стараясь двигаться осторожно, сняла пальто и отправила его на вешалку в прихожей. В последние годы она чувствовала себя неважно, пошаливало сердце, отказывали суставы, и бесконечные жалобы на здоровье мешали Вере жить. Она гнала мать прочь, чтобы только не видеть ее какое-то время, устраивала истерики, и хотя не хотела себе признаваться, чувствовала странную радость оттого, что кто-то смотрит на нее с обожанием и страхом одновременно. Больше всего Вере хотелось именно этого. Не любви, а слепого поклонения – почти раболепия, а если обожания, то до рыцарских поединков и страстных серенад под балконом.

В молодости, засыпая в одинокой постели, она страстно мечтала проснуться ослепительной красавицей. Чтобы подруги плакали от зависти, завидев ее лебединую шею, тонкие плечики, головку с профилем тургеневской барышни, скрипичную талию, переходившую в виолончельные бедра, и прочие прелести. А мужчины, ранее едва ее замечавшие, с томительным зовом в глазах наперебой протягивали бы бархатные коробочки с обручальными кольцами и бриллиантовыми ожерельями. Compliments, цветы, голова кругом от безумной любви...

Но Бог так и не дал ни красоты, ни стати, ни обаяния, или, как сейчас говорят, – шарма. Мужчины, если оглядывались на улице, то чаще всего в недоумении. Дама в странных нарядах – широченных брюках немислимых расцветок, юбках цыганского покроя и невероятных блузонах больше смахивала на ворону в павлиньих перьях. Но еще чуднее она смотрелась в саронге с иероглифами и драконами или в турецких шароварах с мотней, свисавшей до асфальта. Наряды завершали шляпы с огромными полями, украшенные искусственными цветами, бантами и вуальками. А митенки и перчатки в сеточку стали притчей во языцех у местного бомонда. За глаза над Верой потешались все, кому не лень, но в открытую делать это опасались, зная ее склочную натуру. Так что с обожанием и поклонением дела обстояли из рук вон плохо.

Муж Владимир, известный в области художник, сам нуждался в обожании и периодически устраивал истерики, требуя внимания и любви. Если Вера была в ударе, она охотно одаривала его порцией народного признания, пробивая очередную статью о самородке из провинции. Если же настроения не было, гнала его, как и мать, из дома, после чего какое-то время маялась, много курила, иногда рыдала в подушку, то есть чувствовала себя несчастной и неприкаянной.

Вот и сейчас она взяла в руки зеркало и без особого восторга стала разглядывать свое отражение.

М-да! Сорок лет за плечами, а счастья все нет! Обделил Господь красотой, но отчасти компенсировал ее отсутствие. Живи Вера в столице, несомненно, заткнула бы за пояс тамошних журналюг – мастеров интриг и скандалов, но обстоятельства сложились так, что блистать

ей пришлось всего лишь на областном небосклоне. Отчасти в том была виновата мать, которая в свое время не отпустила дочь учиться в столицу. На зарплату библиотекаря она вряд ли потянула бы учебу дочери в МГУ. И Вера с этим смирилась, окончила местный пединститут, но ни дня в школе не работала, устроившись сразу по получении диплома на жалкие гроши в районную газету...

Мать на кухне звенела тарелками, стало быть, обед уже готов. Вера принялась. Пахло изумительно! Все-таки мать хорошо готовила, чем как-то оправдывала свое существование.

Поест, что ли, с горя?

Вера досадливо поморщилась, бросила зеркало на столешницу, с неприязнью покосилась на монитор и, вздохнув, отправилась в кухню.

– Садись, доченька, – засуетилась мать.

Она поставила перед Верой тарелку с борщом и сдернула салфетку с большого блюда.

– Пирожки твои любимые. С луком и яйцом. А к борщу – сметанка деревенская. Кушай! Володенька приедет сегодня?

– Некогда Володеньке! – буркнула Вера и бухнула в борщ ложку сметаны. – Творческий порыв у него. Пишет голых шлюх, оптом и в розницу.

– Как это? – ахнула мать и присела рядом. – Совсем-совсем голых? И ты терпишь?

– А что, на куски их резать, по-твоему? – ответила Вера с набитым ртом и повела рыхлыми плечами. – Я – женщина понятливая. Призвание у него такое – шлюх писать с натуры. Родная жена его на творчество не вдохновляет. Но, глядишь, потом шедевры задорого продаст, купит себе галстук, а мне – шубу. Или две.

Мать покачала головой и пододвинула блюдо с пирожками ближе к дочери.

– Не дело это! – сказала она с осуждением. – Не по-мужски это картинку малевать, а уж похабные и подавно.

Вера отшвырнула ложку, и та брякнулась на пол.

– Тоже мне «картинки»! Что ты понимаешь в искусстве? – заорала она так, что заглушила звук работавшего на улице перфоратора. – И в наши отношения не лезь! Сколько раз просила, я – не маленькая девочка! Разберусь как-нибудь без твоих советов!

Мать испуганно захлопала глазами и прижала салфетку к груди. Губы старухи тряслись.

– Верочка, разве я вмешиваюсь? – пролепетала она. – Я вовсе не имела ничего плохого в виду... Вера! Вера! Куда ты?

Веру вынесло из-за стола. Она с ревом пролетела мимо матери, скрылась в ванной и заперлась изнутри.

– Вера! А борщ? А пироги?

– Подавись своими пирогами! – прорычала Вера. – И оставь меня в покое раз и навсегда!

Она включила душ и с рыданиями стала срывать с себя одежду, затем встала под обжигающие струи воды. Приступ злобы слегка ослаб, но ее продолжало трясти, как в ознобе. Как же она всех ненавидела сейчас! Всех, без исключения!

И в этот момент раздался телефонный звонок.

Мать, приставив ладонь к уху, выслушала крики дочери, которая забыла выключить душ и пыталась переорать звуки лившейся воды.

– Что ты говоришь? Миллион? Два миллиона? А когда конкурс? Ну не надо! Десять процентов и тебе пять? За информацию? Да, не хило вы устроились! Ой, прости, прости! С языка сорвалось! Завтра уже заявку подадим! А деньги я найду! Стопудово! За мной не заржавеет! Но чтоб все чин чинарем!

Вера вылетела из ванной, едва не прибив мать дверью, но ничего не заметила, потому что в это время быстро нажимала на кнопки телефона. Затем поднесла трубку к уху, чтобы услышать знакомое: «Абонент отключил телефон или находится вне зоны действия сети».

– Скотина! – прошипела она в ярости. – Опять нажрался!

И направилась теперь к домашнему аппарату.

Набрала несколько раз номер, но услышала лишь короткие гудки. Вера била в стенку кулаком и почти рыдала от бессилия.

– Ну посмотри на трубку, тварь! Посмотри и положи на рычаг!

Но эти заклинания помогли только поздним вечером, когда трубка наконец отозвалась длинными гудками, а следом Вера услышала голос мужа.

– Чего надо? – спросил он раздраженно. – Какого черта звонишь на ночь глядя?

– Слушай сюда! – гневно заорала Вера. – И включи мозги, если не понял, как это важно для нас! Есть очень выгодный муниципальный заказ, но там будет конкурс. Завтра пойдем добывать деньги, чтобы оплатить заявку.

– А разве это не бесплатно? – проблеял в трубку муж.

– Бесплатно, но для других! – буркнула Вера и пригрозила: – Голову оторву, если вздумашь напиться!

Глава 5

Метель днем поутихла, но к вечеру снег повалил с новой силой. В свете фонарей, точно в вальсе, кружились огромные белые мухи и, обессилев, медленно падали на утопавший в сугробах город.

Владимир стоял в эркере, сооруженном когда-то из балкона, возле огромного окна и с высоты девятого этажа напряженно следил за тем, что происходило внизу – возле подъезда и во дворе. Он не боялся, что кто-то увидит его в столь неприглядном виде – в трусах и голым по пояс. Свет в мастерской он выключил, как только остался один, а пыльные шторы раздвинул. С улицы, если даже сильно задрать голову, не рассмотреть, что происходит на верхних этажах, а уж вглядываться в темные стекла тем более никому не нужно.

Наблюдая, как падает снег на детскую площадку под окнами, на машины возле подъезда, на деревья, кусты, фонари, Владимир думал, куда могла подеваться его недавняя гостья? Как могла миновать двор незаметно? Прокралась, прижимаясь к стене, под окнами? Глупо и бессмысленно. Гораздо проще рвануть мимо хоккейной коробки, нырнуть в проход между домами и броситься к автобусной остановке, ближе к людям, свету, безопасности. И желательно мчаться во весь дух, если ты чудом, по собственному мнению, вырвалась из цепких рук безумца, да еще в полицию заявить, для полного счастья.

Он шепотом выругался. Только ментов ему не хватало! Но, может, и на этот раз обойдется, ведь та, что прокусила ему руку неделю назад, тоже грозила полицией, правда, угроз не сдержала. Надо признать, он и сам виноват: зачем было сразу, без объяснений, без подготовки предлагать обнажиться даме за сорок? Но, черт побери, очень уж она была соблазнительна, с великолепной грудью и пышными, словно выточенными на токарном станке, бедрами.

Владимир провел языком по пересохшим губам и перевел взгляд в глубь мастерской, где белели холсты. На них темными пятнами проступали женские образы. Все это эскизы, наброски к будущему полотну – картине всей его жизни. Квинтэссенции ума, души и рук творца, альфы и омеги его существования, экстракта из его чувств и ощущений. И, конечно же, страданий...

Чего скрывать, мучился он изрядно, в какие-то минуты изводился от осознания своей бездарности, в другие, что не выдержит искушения и сломается в тот самый миг, когда, казалось, все уже предрешено... А еще его посещали страхи, безотчетные и внезапные, отчего Владимир покрывался холодным потом, руки тряслись и не могли удержать кисть. И поэтому, наверное, он все чаще и чаще прикладывался к бутылке, заливал алкоголем то, что втайне терзало и подтачивало его душу.

Он еще раз окинул взглядом двор. И чего, спрашивается, он паникует, торчит возле окна, как одинокий тополь? Ничего страшного не произошло! Ну, приобнял за талию, ну, коснулся груди... Что в этом преступного? В полиции лишь посмеются. Впрочем, дама – не дура, зачем ей огласка? Наверняка держала в секрете, что подвизалась в натурщицах...

Владимир помрачнел и нащупал кофейную чашку с остатками водки. Сделав глоток, поморщился, поставил чашку на подоконник, но промахнулся, и она, грохнувшись на пол, разлетелась вдребезги. Хотел было собрать осколки, но махнул рукой. Обойдется! Завтра придет Лидочка и все подберет. Лидочка на все согласна: наводить порядок в мастерской, мыть грязные пепельницы, кисти, грунтовать холсты, вдыхать запахи растворителя, табачного дыма и перегара, бегать за бутылкой в ближайший гастроном, варить пельмени в закопченной кастрюльке на старой плите. И все ради того, чтобы лишний раз побыть рядом с учителем. Она была молчаливой и старательной, а круглые кукольные глаза на гладком, как у пупса, лице смотрели на Владимира преданно и с восхищением. При взгляде на его полотна они загорались восторгом, и Лидочка вполне искренне выдыхала: «Владимир Маркович, вы – гений!»

Гений? Владимир Кречинский тяжело вздохнул. Эта дурочка, возомнившая себя художником, тем не менее понимала его, как никто другой. Поэтому он терпел ее рядом и даже научился не слышать сдавленного сопения за спиной, когда работал над полотном.

Над полотном? Он снова вздохнул. Работы впереди непочатый край. Для будущей картины требовалась масса эскизов, набросков, а натурщиц не хватало. Нет, ему не приходилось долго упрашивать женщин, чтобы пришли позировать. Все эти дамы, так или иначе, о Владимире Кречинском слышали, бывали на выставках, читали статьи в газетах и почти немедленно соглашались навестить его в мастерской. Им было лестно и жутко интересно, почему выбор художника пал именно на них, но Владимир и сам не знал почему. Просто муза вилась над ухом, надсадно зудела, тыкала пальцем в сторону той или иной фемины и умоляла: «Возьми ее! Именно ее!» И он не сопротивлялся, вмиг понимая, что только лицо и тело очередной избранницы способны оживить холст, на котором валькирии будут летать над полем боя, подбирать души павших храбрецов и переносить их в Асгард – небесную крепость скандинавских богов.

Там, в волшебном замке Валгалле, где кровля из чистого золота и свет дают не лампы, а обнаженные мечи, от зари и до заката воины участвуют в поединках и турнирах, готовясь помочь богам защитить небесный город от великанов. Затем они прекращают сражение и вместе с богами усаживаются за пиршественные столы. Валькирии прислуживают им, подносят мясо бессмертного вепря и никогда не пустеющие рога с хмельным медом...

Владимир маялся и никак не мог решить, изобразить ли валькирий на поле боя, или больший успех вызовут их живописные утехы с бесстрашными воинами в Валгалле. Но в последние дни все больше склонялся ко второму варианту. Темные мысли грызли мозг, ввинчивались штопором в черепную коробку, неприятное томление мешало сосредоточиться.

Подтянув ветхие «семейные» трусы, Владимир поскреб вялую грудь, заросшую седыми волосами, прихрамывая, прошлепал босыми ногами к холсту и схватился за кисть – так утопающий хватается за проплывающее мимо бревно.

Лицо его покраснело, лоб вспотел, в уголках губ скопилась слюна. Он в иступлении работал и работал кистью, покрывая полотно жирными небрежными мазками, словно швырял на холст свое безумие, сквозь которое проступал лик женщины... Той, последней, что ускользнула от него сегодня и не позволила завершить образ прекрасной и воинственной валькирии, не исполнившей волю грозного Одина.

Владимир отступил на пару шагов, окинул взглядом портрет женщины в сверкающих доспехах, которые лишь условно прикрывали пышное тело, и с досадой бросил кисть на столик, заставленный пустыми пивными бутылками. Огурцы в стеклянной банке подернулись белесой плесенью, горку почерневшей жареной картошки на сковороде венчал окурочок, а в консервной банке из-под шпротов покоилась зажигалка, которую он напрасно искал утром.

Замысел картины он вынашивал давно, но с исполнением не получалось. Поначалу он хотел писать валькирию с Веры, но, как ни старался, ничего не выходило. Одутловатое, тонкогубое лицо жены и ее коротконогая коренастая фигура никак не вязались с образом отважной воительницы. В отчаянии он отложил проект в долгий ящик, пока неожиданно муза не подсказала ему решение.

Валькирий должно быть много. И все – очень разные!

Первой натурщицей стала молоденькая тренер по фитнесу. Ее не пришлось долго упрашивать. Девушка не стеснялась своего тела и с готовностью его демонстрировала. Лицо и фигура этой хорошенькой брюнетки стали своеобразным ориентиром, определяющим общее настроение картины, ее смысловую нагрузку.

Затем появилась жилистая блондинка – продавец табачного киоска, следом – молодая женщина, которую он приметил в супермаркете. Та сразу согласилась позировать, но потребовала тысячу рублей за сеанс без постели, а ежели с постелью, гонорар увеличивался до трех тысяч. Тысячу заплатила Лида, крайне возмущенная этим обстоятельством, и выставила

девицу за дверь. На смену ей пришла миловидная сотрудница пенсионного фонда, а совсем недавно, уже после Нового года – работница железной дороги... Она-то и прокусила ему руку до крови...

Владимир сплюнул на грязный пол и мрачно выругался. Дура! Для чего, спрашивается, приперлась? Не девочка уже, чтобы стесняться нагого тела! Где ей понять, что он – художник! И ему нужно коснуться, почувствовать, ощутить... Но некультурной девке, ничего не смыслившей в живописи, было все равно, что он мог смотреть на женское лицо, как на горы или на море, часами. Ведь женщина – лучшее произведение природы. И все в ней неповторимо прекрасно! Глаза, губы, волосы, ушко, выглядывающее из-под них, шея, грудь... И кожа – бархатная или шелковистая, и тепло от нее, и легкий аромат духов, смешанный с запахом здорового тела...

Но все эти образы были наметками второго плана, фоном для главной героини – валькирии Сигдривы. Верховный бог викингов Один лишил ее права участвовать в битвах в наказание за то, что, повинувшись чувству любви, она отдала победу в бою не тому воину. Суровый бог погрузил ее в сон и окружил огненным кольцом, и никто из смертных не мог его преодолеть. Только отважный воин Сигурд сумел пройти препятствие и своим поцелуем разбудить прекрасную деву. Владимир подумывал назвать картину «Валькирия в огне». Но Сигдрива среди местных дев никак не находилась.

Накануне Нового года Вера правдами и неправдами заполучила приглашение на губернаторский бал. Пришлось брать смокинг напрокат, подстригать бороду, а изрядно отросшие волосы стягивать в «конский хвост». Владимир на подобных приемах чувствовал себя не в своей тарелке, но Вере, хлебом ее не корми, дай потереться среди местной знати. Гости губернатора недоуменно косились на странную даму в платье «а-ля рюс», в котором она смахивала на самовар, расписанный под хохлому, пожимали плечами и старались держаться от нее подальше. Но Вера, кажется, нисколько не переживала по этому поводу, лезла в разговоры, которые ее не касались, порывалась кокетничать с местными олигархами и даже пыталась пригласить губернатора на танец, но ее невежливо оттеснили в угол и посоветовали знать свое место. Да еще пригрозили отнять фотоаппарат, если она им воспользуется.

Владимир сразу пристроился к столу с закусками и алкоголем и, улучив момент, быстро, один за другим, опрокинул пару стаканов виски, сдобрив их армянским коньяком. Согрев душу, он несколько успокоился, обвел взглядом зал и увидел неподалеку жену известного богача, красавицу Юлию Быстрову – бывшую журналистку, которую Вера жгуче, всеми печенками ненавидела.

Сердце его встрепенулось и свалилось вниз, куда-то в область коленей. Сама Сигдрива держала в руке бокал с шампанским и наблюдала за Кречинским с ироничной усмешкой. Едва передвигая ноги, он направился к ней и, одергивая слегка короткие рукава смокинга, предложил Быстровой стать героиней его нового полотна, в перспективе – шедевра.

– Вы изумительный человек, Владимир! – произнесло надменно земное воплощение Сигдривы. – Сначала деньги выпрашиваете на выставку, затем ваша супруга о наших салонах гадости пишет. А сейчас, под коньячок, хотите втянуть меня в какую-то мутную аферу? Не пройдет, сударь мой! Ищите героиню в других местах!

– Я всего-то предложил пару раз попозировать, – холодно ответил Владимир.

– Много чести позировать халтурщикам от искусства! – Глаза Юлии полыхнули огнем, и он отшатнулся, зная о ее способностях испепелять человека словом и взглядом.

После он долго корил себя, что подошел к этой змеюке без подготовки. Видно, виски притупило чувство опасности. А он мог бы многое сказать, если бы не косноязычие, вызванное алкоголем. У кого-то алкоголь порождает поток красноречия, а Владимир, наоборот, впадал в ступор, не мог связать пару слов, и, чтобы забыть об унижении и насмешливых улыбках, вновь и вновь напивался мертвецки, в хлам, до белой горячки. Ну почему так бывает, вроде хочешь

поведать женщине самое сокровенное, но нужных слов не хватает, и произносишь банальное, как она прекрасна, великолепа, ослепительна. Только все это не то, потому что язык не способен вместить все слова, которые могли бы описать истинную красоту женщины. Лишь женский портрет обладает подобной силой. Но и здесь не все подвластно кисти художника. Женщину нужно понимать, а для того мало таланта, мало техники, нужны вкус и чутье...

Но, удирая от Быстровой, он там же, на приеме, столкнулся с другой женщиной, не менее красивой, но более уступчивой, чем бывшая журналистка. Она быстро поняла, что к чему, и согласилась позировать вечерами, так как днем состояла на государственной службе. Единственно, не назвала свое имя, но оно мало интересовало Владимира. Он уже был одержим ею. И едва дождался конца новогодних праздников, после которых она появилась в его мастерской, ни дать ни взять, королева в хижине бедного живописца.

С той поры сеансы позирования проходили чуть ли не каждый вечер, затягивались не на один час, а женское лицо на холсте становилось все более и более живым и выразительным. Неудивительно, что в какой-то момент Кречинский почувствовал себя Пигмалионом, не совсем понимая, то ли он оживил Галатею, то ли она пробудила его ото сна.

Работа близилась к концу, когда Владимир робко попросил свою богиню открыть грудь. И женщина, нисколько не смутившись, спустила с плеч махровую простыню, в которую куталась во время сеансов, обнажая по мере надобности то плечо, то красивое бедро. Реакция Владимира была почти первобытной, будто камертон, настроенный в лад с его нервной системой, заставил все инстинкты сработать на форсаже, включил адреналин и вздыбил каждый волосок на коже. Художник отбросил кисть, на ходу стянул с себя длинную рабочую блузу и бросился к натурщице. Она вскрикнула от неожиданности, попыталась оттолкнуть, но запуталась в простыне и едва не свалилась на пол.

Владимир обхватил ее за талию и потащил к продавленному дивану, накрытому протертым до дыр выцветшим пледом. Но женщина уже пришла в себя. Хрупкая на вид, она оказалась сильнее, чем он думал. Ловко вывернувшись из его рук, недолго думая отвесила крепкую пощечину, а когда он попытался ее удержать, ударила кулаком под ребра, отчего он сложился пополам, рухнул на диван и, хватая ртом воздух, с трудом отдышался. Женщина в это время быстро оделась, сорвала шубу с вешалки и бросилась вон из мастерской.

Бормоча ругательства, Владимир погасил свет и с трудом, но добрался до эркера. И вовремя, чтобы разглядеть в свете дворового фонаря, как его Галатея выскочила из подъезда. Полы шубы развевались на ветру. Женщина накинула на голову шарф, и, словно почувствовав, что на нее смотрят, вдруг обернулась, уставилась взглядом, казалось, прямо в лицо Владимиру и резко выбросила вверх руку с оттопыренным средним пальцем. Он невольно отшатнулся назад и в этот момент потерял ее из виду...

Владимир обвел тусклым взглядом свое незавидное обиталище: вылинявшие обои, закопченный потолок, заплесанный пол. Ярость ударила в голову. Где же Лидочка?! Почему не пришла? Водка закончилась накануне, и он терпел (несколько глотков не в счет), не пил, ради прекрасной незнакомки, как оказалось – напрасно! Но сейчас требовалось выпить! Немедленно! Только лишь денег не было совсем! И Лидочки не было!

Рыча и грязно ругаясь, он потянулся к лежавшему на столе телефону, но потерял равновесие, уронил стул. Телефон упал на пол, развалился на части, а аккумулятор и вовсе отлетел под диван.

– А-а-а, чтоб тебя! – рявкнул Кречинский, подхватил заляпанную краской табуретку и принялся крушить направо и налево все подряд: посуду, бутылки, жалкое подобие мебели. Пострадали даже подрамники. Единственное, чего он не коснулся в припадке ярости, – наброски и эскизы будущей картины. Хотя некоторые ему очень хотелось порвать на куски...

Обессилев, он свалился на диван, уткнулся лицом в подушку, но тут зазвонил домашний телефон. Трезвонил он долго и требовательно. Владимир с трудом поднялся и взял трубку, в

которой тотчас завершал женский голос. Вера! Она что-то кричала ему в ухо, но он плохо понимал, что именно. В этом голосе сконцентрировалось все самое худшее, что было в его жизни: некрасивая и склочная жена, полоумная теща, которая все жила и не собиралась помирать, вечное безденежье и жалкие перспективы на будущее.

– Хорошо, понял! – Он наконец сумел вклиниться в поток звуков, исторгаемых трубкой. – Скажи, куда подойти? – и через пару мгновений опустил трубку на рычаг.

А еще через какое-то время уже крепко спал на диване и видел во сне нагую красавицу валькирию, которая неистово отдавалась ему на медвежьих шкурах в чертогах Валгаллы.

Владимир стонал, скрипел зубами, хватался за спинку дивана, затем затрясся, как в лихорадке, сник и затих, а вскоре разразился могучим храпом.

Глава 6

– Ты несносный человек, Кречинский! – Вера утомленно откинулась на спинку стула и обмахнула лицо папочкой для меню. – Я полночи не сплю, поднимаюсь затемно, еду через весь город, чтобы объяснить очевидное, а ты включаешь тормоз и пытаешься убедить, что ты умнее меня? Какие, к черту, валькирии? Что за Валгалла? Ты бредишь, дорогой? Кому они нужны, спрашивается? Ты что, в Швеции живешь или, как ее, в Норвегии? Выгляни в окно! Как эта страна называется?

Владимир скривился, поднес чашку к губам и с шумом втянул остывший кофе.

– Что за гадость? – произнес он с омерзением и поставил чашку на стол. – Знаешь, что с утра я эту бурду не пью!

И с тоской посмотрел в сторону барной стойки. Но было слишком рано, и алкоголь еще не продавали.

– В курсе я, в курсе, что мы пьем по утрам! – рассердилась Вера. – Но ты мне нужен трезвым, поэтому выпьешь кофе ровно столько, сколько нужно, чтоб прочистить мозги. Пойми, наконец, придется расписывать фойе и фронтон Центра народного творчества! Должна быть концепция, в которую твои валькирии не вписываются! Нужны национальные мотивы, понимаешь? Пантеон славянских божеств, как тебе?

– Неплохо, – вздохнул Кречинский, – но я совсем не в теме! Притом у меня лишь заготовки, женские портреты, карандашные эскизы, кое-какие этюды... Конечно, все это можно приспособить, пересмотреть, привязать к идее, поменять замысел, но это ж халтура получится! Вера, как ты не понимаешь!

Ему страсть как не хотелось расставаться с девами-воительницами и так вот сразу, сплеча, покончить с заветной темой. Сколько лет он ее вынашивал, пестовал, и на тебе! Явилась Вера и все порушила!

– Веронька! – Он льстиво улыбнулся. – С чего ты решила, что мои валькирии не понравятся худсовету, а славянские богини понравятся?

– Дурак ты, Кречинский! – Лицо жены пошло пятнами – верный признак скорой истерики. – Ты в каких небесах витаешь? Сейчас модно быть патриотом! Как ты не врубаешься? Пусть твои валькирии – шедевр из шедевров, но это не наш эпос, не наши легенды. Русский размах, богатыри, березки, православие – духовные скрепы, а не твои полуголые бабы!

– Скрепы, говоришь? – Кречинский с тоской посмотрел на дно чашки. Сплошная черная гуща, беспросветная, как его жизнь. – Что-то я не пойму, как сочетаются православие и языческие богини?

– Володя! – Жена грозно свела брови на переносице. – Не трепыхайся! Я сегодня из тебя все соки выжму! До обеда мы должны еще деньги найти! Пойми, совсем не обязательно подавать их как языческих богинь. Это аллегория! Жизнь во всей ее красоте через женские образы. Думаешь, я зря в Интернете до трех ночи сидела? Глянь, все распечатала! Тут полно информации о древнеславянских верованиях, даже кое-какие картинки есть. Одних богинь с десяток наберется!

И принялась передавать ему бумажку за бумажкой, не переставая говорить:

– Вот Девана! Очень мощный образ! Молодая, красивая, сильная! Типа амазонки с луком в руках. Покровительствовала охотникам и всему лесному миру! Одевалась в шкуры животных, а на голове носила шапку из волчьей или медвежьей головы.

Кречинский с неохотой придвинул к себе бумаги и принялся рассматривать их со скептической усмешкой на синих губах, покрытых белесой корочкой.

Вера этой усмешки не заметила и продолжала с воодушевлением:

– Или Кострома. Вышла замуж за Купалу, когда же богам открылась истина, что Купала – родной брат Костромы, молодые взялись за руки и бросились с обрыва в реку. Купала погиб, а Кострома стала первой мавкой – прекрасным, но злобным созданием. В лунные ночи мавка принимала облик прекрасной девушки и караулила у берега молодых парней. Понимаешь, Кострома – это образ трагической, но искренней и нежной любви. Символ девичьей чистоты и природной женственности.

Супруг в этот момент оторвал взгляд от бумаг и устремил его вновь в направлении бара. Там ничего не изменилось. Бармен отсутствовал.

– Ты меня слышишь? – с негодованием спросила Вера. – Даже не смотри, денег на выпивку не дам!

– Ну хоть пару глотков! – Голос художника осип, и он едва сдерживал дрожь в руках. – Трубы горят!

– Ладно! – Вера неожиданно подобрела. – Определим фабулу росписи, и куплю тебе шкалик, но при условии, что выслушаешь меня внимательно! Учти, у нас совсем мало времени.

И забубнила снова:

– Смотри, вот Мара – богиня зимы и смерти. Жила во дворце из чистого небесного льда, и ей подчинялись все духи холода и зимы. Водила дружбу с Ягой, женой Велеса. Отдавала Яге души людей, а Яга взамен позволяла ей спускаться в Навий мир, в который, по Сварожьим законам, ни бог, ни живой человек не имели хода. Мара – одна из трех богинь, рожденных из искр, что сыпались от ударов молота Сварога о предвечный камень Алатырь...

Голос Веры звучал монотонно, за окном умирало серое утро, и Кречинского неумолимо тянуло в сон. Но строгий окрик жены вернул его в реальность.

– Что у тебя с лицом? Краше в гроб кладут! Ты понимаешь, идиот, это ж классная задумка! Просто чудо, а не задумка! Так что засунь своих валькирий в задницу и забудь о них на ближайшее время!

– Про валькирий я уже слышал! – огрызнулся Владимир. – Единственно, не тебе, а мне придется эту идею воплощать. Может, Ягу с твоей мамы написать?

– Оставь маму в покое! – взвилась Вера. – Если упустишь этот заказ, я порежу тебя на куски и выброшу собакам. Два миллиона на кону, а он ломается, острит! Не в вашем положении, сударь, разбрасываться такими деньжищами!

– Вера, – Кречинский молитвенно сложил ладони, – не будь наивной! Заказ уйдет в Союз художников. Наверняка к этим малярам Байлагашеву или Зиновьеву. Один – председатель Союза, другой – народный художник России! А я всего лишь заслуженный работник культуры в областном масштабе, да к тому же не член их Союза.

– Не член? – Глаза Веры чуть не вылезли из орбит. – С каких это пор? Почему ничего не знаю?

– Ну это еще со времен «Святогора»! – Кречинский отвел взгляд в сторону. – Они мне обструкцию устроили из-за той хвалебной статьи, что вышла в «Российской газете»! Ты ж сама ее написала под псевдонимом! А потом скандал с репродукцией на пачке пельменей...³ Обвинили во всех смертных грехах! Словом, поругались, чуть не подрались, и я сказал, что больше моей ноги там не будет!

– То-то я смотрю, тебя перестали на официальные тусовки приглашать! – Вера презрительно скривилась. – Ничего, мы этот вопрос быстро уладим! Вот им вместо заказа! – и сложила крепенький кукиш из унизанных кольцами пальцев.

Затем посмотрела на часы:

– Еще с полчаса посидим и нанесем визит Сотниковой. Она в офис к одиннадцати приезжает.

³ История рассказана в романе «Лик Сатаны».

– К Сотниковой? В автосалон? – поразился Владимир. – Зачем? Ты вздумала машину купить?

– Шутишь? – Вера покраснела от негодования. – Какая машина? Деньги будем просить на взятки чиновникам! Кто первым им триста тысяч в клюве принесет, тот заказ и получит!

– Триста тысяч? – Владимир поперхнулся слюной от неожиданности. – Кто ж тебе такую сумму за здорово живешь подарит?

– Подарит – не подарит, сейчас не это самое главное! Заказ получим, с одного аванса с долгами рассчитаемся! И не бери в голову! С мадам Сотниковой я сама договарюсь. Твое дело – сидеть и помалкивать в тряпочку! А пока слушай про богинь и кумекай, что в заявке напишешь!

Вера снова уткнулась в бумаги:

– Леля, Лада и Макошь – воплощения Живы, то есть самой жизни. Леля – молодая и беззаботная девушка, девочка-весна. Лада – образ женщины, которая готова к замужеству. Макошь – апофеоз женственности, материнства. Запомни, Кречинский, славянские богини наполняют мир теплом, добротой и любовью. Это возвышенные образы, в отличие от твоих похотливых баб – валькирий.

– Ну да, особенно образ Яги возвышенный, – не выдержал Кречинский. – Или этой, как ее, мавки Костромы, или Мары, подружки Яги. Ты думаешь, эти странные особи впишутся в интерьер Дома народного творчества? Они скорее для крематория подходят!

– Ничего, мозгами пошевелишь и впишешь! – рассердилась Вера. – У меня голова другим забита: как раскрутить Сотникову на деньги! – и посмотрела на часы. – Вставай, горе мое, пора ехать!

– А шкалик?

– У Сотниковой всегда найдется и выпить, и закусить!

На этой бодрой ноте супруги покинули кафе, оставив под пустой кофейной чашкой смятую сторублевку.

Глава 7

Посетителей она не ждала и видеть их отнюдь не желала, но когда секретарь сообщила, кто сидит в ее приемной, Мария подумала, что само провидение подкинуло ей способ решить одну из проблем. По этой причине Веру Гаврилову и Владимира Кречинского она встретила радушно.

– Верочка, какими судьбами? – воскликнула она обрадованно.

Правда, из-за стола не поднялась. Не того поля ягоды заявили в ее кабинет, чтобы бросаться к ним с объятиями. Да и повод для визита журналистки и ее пропойцы мужа легко угадывался.

– Присаживайтесь, – кивнула Мария в сторону диванчика и двух мягких кресел.

Кречинский тут же плюхнулся на диван, откинулся на спинку и, закинув ногу на ногу, принялся с интересом разглядывать винтажный бар в форме глобуса.

Вера взгромоздилась рядом на кресло, пристроила большую сумку на колени и окинула кабинет жадным взглядом.

– Как тут стильно у вас! – сказала она и облизала губы. – И салон – просто загляденье. Все сверкает! И персонал, сразу видно, вышколенный! Чувствуется рука опытного руководителя!

– Мне очень нравится ваше лицо, – вдруг перебил ее Владимир. Мутный взгляд его несколько просветлел. – Я сейчас работаю над эпическим полотном, и прошу, даже умоляю вас о нескольких сеансах позирования...

– Володя невероятно талантлив, вы же знакомы с его творчеством! – торопливо вклинилась Вера, заметив, что губы Марии дрогнули в едва заметной усмешке. – Его полотно реально порвет прежние представления об изобразительном искусстве. Художественный мир встанет на дыбы!

«Уж сколько этих полотен упало в бездну! – подумала Мария. – А мир не перевернулся и на дыбы вставать не собирается. Господи, опять пришли, побирушки, деньги просить!»

Марии уже не раз приходилось сталкиваться с Гавриловой. Однажды она опрометчиво согласилась спонсировать выставку ее мужа, хотя считала его весьма посредственным художником, затем заказала ей рекламную статью, как оказалось, совсем неплохую, но, к сожалению, абсолютно бесполезную, а с полгода назад помогла проникнуть на одну закрытую тусовку, где собирались сливки общества. Вспоминать о последнем благодеянии Мария не любила. Гаврилова кружила над бизнесменами, точно канюк над курами, и в попытках вырвать кусок пожирнее набивалась к солидным людям в друзья, не к месту хихикала и кокетничала. Мария пришла в ужас от ее ужимок и смешков, поэтому весь вечер держалась на расстоянии и делала вид, что мелкую интриганку в нелепом наряде в приличное общество ввел кто-то другой.

Кречинский тоже пытался пару раз выжать из Сотниковой деньги, но в искусстве плести ловчие сети заметно уступал жене, клянчил приличные суммы крайне грубо, а получив отказ, бил себя в грудь кулаком и вопил, что плебеям гениев не понять. Последний раз, в стельку пьяный, выкрикнул это в лицо заместителю губернатора и тут же был выдворен из областной комиссии по охране культурного наследия и памятников архитектуры.

Не пребывая Мария в растрепанных чувствах, эта сладкая парочка не проникла бы в ее салон дальше порога, но именно сейчас пакостница Гаврилова была ей нужна позарез. Потому Мария подавила в себе желание вызвать охрану и скупно улыбнулась.

– Да, эпическое полотно – это очень интересно! – произнесла она и добавила голосу толику теплоты: – Чай, кофе или, может, чего покрепче?

– От коньячка не откажусь! – Кречинский выпрямился и довольно потер ладони. – С лимоном или без него – никакой разницы!

Вера метнула на мужа негодующий взгляд и жеманно потупилась.

– Ой, право, не стоит беспокоиться!

– Какое ж тут беспокойство? – отмахнулась Мария, нажала кнопку вызова на телефоне и приказала: – Катя! Три кофе... Кофе, говорю, свари! Все по первому классу дорогим гостям!

Разлить коньяк предложила Владимиру. Тот живо направился к бару и с видом знатока принялся рассматривать бутылки. Выбирал недолго и предпочел, естественно, самый дорогой напиток. Мария обвела его скептическим взглядом. Смотри-ка, алкаш запойный, а все из себя аристократа корчит! Неопрятный, неухоженный! Седеющие волосы стянуты в конский хвост, борода не подстрижена, не расчесана. И пуховичок, она с порога заметила, давно требует замены, и свитер на локтях вытерся, и ворот растянут. Шарф завязан якобы небрежно, на самом деле узел едва маскирует большую дыру, прожженную сигаретой...

Мария спустила взгляд ниже. Нет, не смотрит Верка за мужем! Не следит за одеждой. Джинсы в плохо застиранных пятнах краски, лоснятся на бедрах, обвисли... А ведь, по сути, крепкий еще и где-то симпатичный мужчина. Конечно, если отмыть, причесать, приодеть...

«О нет! Какой он мужчина? – одернула себя Мария. – Не о том думаешь, матушка! Вон губы пересохли, руки дрожат, значит, с похмелья. Надерется сейчас на старые дрожжи, эвакуатором из кабинета не выдернешь! Эх, никчемные люди, пустые!»

Вера тем временем пила кофе, манерно оттопырив мизинчик и сложив губы в трубочку. Между глотками она успевала вещать о гениальных задумках, которые невозможно воплотить без денег, и о том, что вложение финансовых средств в искусство гораздо выгоднее, чем торговля нефтепродуктами.

– А как у вас дела идут? – наконец спросила Вера и льстиво добавила: – Я вижу, все в порядке! Такие машинки красивые...

«Машинки» взбесили Марию окончательно. На прошлой неделе у нее сорвалась продажа «машинки» марки «Мазератти» за двести тысяч долларов. Потенциальный покупатель, молодой элегантный мужчина с тонкими чертами лица и манерами записного эстета, на деле оказался подпольным торговцем спайсами. И накануне заключения сделки его арестовала полиция, о чем Мария узнала из вечерних новостей. Ярости ее не было предела. На продажу «Роллс-Ройса», стоившего в четыре раза дороже, она боялась даже надеяться. Вернее, боялась потенциальных покупателей, трех мрачных мужчин с Кавказа, которые исправно появлялись в салоне, крутились возле автомобиля и интересовались, не сбросила ли хозяйка цену. От жителей гор можно было ждать чего угодно, это Мария знала еще с девяностых, когда схожие абреки нагло забрали прямо из салона три «БМВ». Муж даже не пикнул и ей запретил кому-либо рассказывать о том инциденте. Поэтому недолго думая Мария грустно сообщила:

– Неважно, честно говоря! Сами понимаете, кризис. Людям не до роскошных машин. И потом, Верочка, у меня столько недругов, столько недругов, если бы вы только знали!

И с удовольствием отметила, как вытянулось лицо Гавриловой.

«Ну, хватай крючок, акула пера, хватай! – усмехнулась про себя Мария. – Если не предложишь сейчас профессиональные услуги, я сожру и свою, и твою шляпы!»

– Я заметила, – изрекла Вера с самодовольным видом. – И очень удивилась, как вы допустили, чтобы напротив вашего салона рекламировали шарашкину контору конкурента? К тому же у вас дорогие и престижные авто! А у Беликова? Тьфу! Ерунда японская!

«У тебя и японской ерунды нет! – с веселой злостью подумала Мария. – Пешочком ходишь, да на маршрутке трясешься!»

Но мысли свои не озвучила, а Вера, воодушевленная ее откровенностью, продолжала возмущаться:

– Да еще заказал баннеры с женой в полуголом виде, чтобы мужики пялились и слюни пускали! Боже, какой моветон! Я бы никогда на такую пошлость не решилась!

Оценив взглядом отекавшее лицо и несуразную фигуру, Мария представила Веру полуобнаженной на баннере и едва не подавилась от смеха, закашлялась и опустила взгляд в стол. Но

тут в кабинет по-свойски без стука вошел Ваня и, не заметив посетителей, шагнул к ее столу и радостно сообщил:

– Тетя Маша, я твой ноутбук починил!

Увидел Веру, Кречинского и сконфузился:

– Простите, Мария Ефимовна! Я не знал, что вы заняты!

Щеки его порозовели, голубые глаза смотрели растерянно, словно он совершил самый негодяйский поступок в своей жизни и теперь не в силах его исправить.

«Совсем еще ребенок, – с нежностью подумала Мария. – Единственное родное существо, добрейшее создание, мордаха херувима с рождественской открытки!» И вздохнула. Хоть в этом судьба ее не обделила. Будет кому в старости водички подать...

И ласково улыбнулась.

– Спасибо, дорогой! Поезжай домой! Там Клава какой-то суп необыкновенный приготовила и, кажется, гуляш...

Похоже, последняя фраза смутила Ваню окончательно. Он покраснел, ступешался, буркнул:

– Хорошо, Мария Ефимовна, но я в институт. До вечера. У нас семинар сегодня! – и выскользнул за дверь.

Вера проводила его любопытным взглядом. Кречинский снова подлил себе коньяку и, похоже, в беседу вступать не спешил.

– Племянник мой! – с улыбкой пояснила Мария. – Очень хороший мальчик. Через год наш университет заканчивает, и у меня в салоне подрабатывает. Программист, дизайнер и этот, как его? Системный администратор. Умница! Не пьет, не курит! Воспитываю после смерти сестры с двух лет. Теперь единственная опора в жизни!

– Симпатичный паренек! Интеллигентный! – похвалила Вера и, чтобы не сбиться с курса, уточнила: – Ваши недруги... Я правильно поняла, вы салон Беликова имели в виду?

– Они меня травят, Верочка, понимаете? Травят самым натуральным образом! Хотят выжить из бизнеса! – Мария судорожно перевела дыхание. – Знаете, что они сделали накануне Нового года?

Если Вера и знала, то виду не показала, и громко ахала, когда Мария рассказывала о сугробе на проезжей части, о сорванной акции и о миллионных убытках. Распаляясь все сильнее и сильнее, Сотникова пошла пятнами и уже почти кричала от негодования.

– Эта дрянь хотела бы пустить меня по миру! Но не на ту напала!

Она с размаху опустила кулак на столешницу.

Широкий золотой браслет с крупными сапфирами соскользнул с руки на красивое блюдо под графином. Оно разлетелось вдребезги, но графин не пострадал. Сотникова на мгновение застыла, уставившись на осколки. И тут сильный спазм перехватил ее горло. Она снова закашлялась, налила себе воды из графина и принялась пить большими глотками. Горлань некрасиво дергалась, руки дрожали, вода расплескалась на платье.

Вера наблюдала за ней с приоткрытым ртом, словно гриф в ожидании, когда жертва испустит дух, и точно так же поворачивала голову, чтобы не выпустить Марию из виду.

Сотникова с раздражением смахнула воду носовым платком, затем схватила со стола браслет и с трудом застегнула его на запястье.

– Черт! – сказала она скорее себе, чем кому-либо. – Застежка совсем ослабла, а поменять времени нет! – и обратила свой взор на Веру. – Сам Беликов, во всяком случае, раньше играл честно. А Быстрова – барракуда, вцепилась, не отбиться. Вы ведь знакомы с ней, Верочка?

Вера пожала плечами. Знакомы ли они? Ну кто бы сомневался!

Когда ты трудишься в одной отрасли, бываешь на пресс-конференциях, брифингах и на всякого рода официальных мероприятиях, трудно не пересекаться с корреспондентами, редакторами местных изданий, даже с фрилансерами и известными блогерами. Все они вкальвают

на общей информационной пашне, кочуют из редакции в редакцию, выдают в эфир или в газете одни и те же новости, комментируют одни и те же события. Быстрова не была исключением. Она долго работала в городской вечерке, затем перешла в рекламный еженедельник. Позже известный в городе богачей Бортников пригласил ее в глянцевого журнал. Когда тот загнулся, пошли слухи, что муж запретил Быстровой заниматься журналистикой. Вера испытала мстительную радость от того, что гламурная выскочка наконец исчезнет с городского медийного пространства.

Но торжествовала она напрасно. Звезда Юлии, как оказалось, закатилась ненадолго, чтобы вскорости воссиять намного ярче. Быстрова стала еще более влиятельной и востребованной.

Перед ней лебезили, ей кланялись и целовали ручки редакторы газет и телеканалов, потому что автосалон не скупился на рекламу в средствах массовой информации. А реклама в наши дни – это, как понимаете, приличные зарплаты, достойные машины, дорогие рестораны, отдых на престижных курортах...

В тощие для кошелька времена Вера дважды приходила наниматься к ней на работу, и оба раза ей высокомерно отказали. Владимир также навещался к Валерию Беликову с просьбой о спонсорстве. Но тот за просто так деньги не раздавал и взамен попросил расписать стену своего книжного магазина портретами писателей или героев классических произведений. Кречинский отказался, наябедничал жене, а Вера, в отместку, опубликовала статью, в которой намекнула на теневые стороны книжного бизнеса господина Беликова.

То ли Вера переоценила свои возможности, то ли владелец книжного магазина ни для налоговиков, ни для прочих надзорных органов особого интереса не представлял, но в итоге снаряд, завывая, пролетел мимо и не оставил даже царапины на деловой репутации Валерия.

Но эта выходка дорого стоила самой Вере. Дурная слава конъюнктурной и жадной писаки затмила все прежние заслуги, и Вера почувствовала: здесь не обошлось без Быстровой. Имиджевые статьи прекратили заказывать совсем, во время избирательной кампании от ее услуг отказались даже давние клиенты. Естественно, щедрые гонорары уплыли в другие карманы. С откровенными аутсайдерами выборной гонки у Веры хватило ума не сотрудничать, потому что учла печальный опыт прошлых лет: проигравший забывает расплачиваться со своей командой. Заказы на оформление городских зданий и учреждений тоже стали поступать реже, деньги на выставки давали все с меньшей и меньшей охотой, пока и этот источник не пересох совсем.

Зато у четы Беликов-Быстрова все шло, как по маслу. Забросив неперспективный книжный бизнес, они стали торговать автомобилями, отдыхали на модных курортах, попросту купались в деньгах. На официальных мероприятиях Юля, еще в бытность свою шеф-редактором «Взгляда», демонстрировала то дорогую шубу, то сногшибательное кольцо, то бриллиантовый гарнитур стоимостью в однокомнатную квартиру, чем вызывала жгучую зависть коллег. А уж машины она и вовсе меняла точно перчатки. Кстати, стоимость этих перчаток превышала месячный доход Веры и ее супруга.

– И чего ей в журнале не сиделось? – посетовала Мария и прервала мутный поток Вериних мыслей. – Занималась бы своим гляncем и не лезла, куда не просят. Я думаю, они хотят меня обанкротить и завладеть салоном по дешевке.

– А вы не хотите его продавать?

– Еще чего! Кризис не будет длиться вечно! Умные люди и на кризисе сумеют заработать. Вот-вот дорогие машины снова будут востребованы. В прошлые годы они влет уходили. Знаете, сколько народу тут побывало? Если помните, даже «звезды» приезжали. На презентации новой линии «Ауди» сам Егор Черский отметился!⁴ Такой забавный! Болтал без умолка. У него летом, наверное, даже язык загорает. И в Москве полезные знакомства есть, между про-

⁴ Егор Черский – герой романов Георгия Ланского.

чим, в городской администрации. Муж в комсомоле когда-то работал в Ханты-Мансийске, а нынешний столичный мэр – в окружке партии. Хорошо друг друга знали. Вместе на охоту ездили... Поймите, я лучше руку себе оттяпаю, чем отдам этот жирный кусок вертлявой журналюшке! Ох, простите!

Мария прижала ладонь к губам и виновато улыбнулась, мол, случайно оговорилась, но огорчилась не слишком правдоподобно. Да и ладно! Что вырвалось, то вырвалось! Невелика беда! Верка, если и поймет намек, сделает вид, что к ней это не относится.

– Ничего страшного! – и впрямь улыбнулась Вера. – Я полностью согласна с вашим определением. Быстрова, как журналистка, собою ничего не представляла. Вовремя легла под богатенького, он ей все и купил: и магазин, и салон, и должности... Это, прошу прощенья, не лбом в ворота стучать с одним талантом в авоське, как у нас с Володей. Правда, любимый?

Любимый невразумительно что-то пробормотал и залпом осушил бокал с очередной порцией коньяка. Мария бросила быстрый взгляд на бутылку.

Надо же, почти все вылакал!

– Володе крайне необходимо выставить свои работы! – продолжала Вера. – Без спонсорской помощи это невозможно. К тому же он должен закончить свое полотно! А это немалые затраты. Холсты, краски, кисти, содержание мастерской, поездки на этюды, оплата натурщиц... Аренда галереи тоже стоит сумасшедших денег. А ведь еще кушать надо, одеваться... Так что не только у вас сложные времена, Мария Ефимовна. Для людей искусства это почти катастрофа! Даже известные в городе бизнесмены во многом стали себе отказывать, не до искусства им сейчас, а раньше Володины картины с руками рвали. Просто ума не приложу, как помочь ему, как сохранить мастерскую, как организовать выставку. Поверьте, ночами не сплю, а выхода не вижу!

На этом месте Гаврилова сделала паузу и уставилась на Марию. Видимо, по ее задумке Сотникова должна была разрыдаться, отпереть сейф и бросить к ногам журналистки мешок с пиастрами, однако у Марии было другое мнение.

– Сочувствую вам, – произнесла она с тяжелым вздохом, – но я тоже не вижу выхода. Сложные времена! Очень сложные! Санкции, кризис... Январь вообще неудачный месяц. После новогодних праздников все без денег.

Кречинский, удобренный коньяком, пристраивал под голову подушку с дивана и, похоже, готовился вздремнуть. Вряд ли сейчас его занимали проблемы творчества, а вот Веру явно перекосило от заявления Сотниковой. Она беззвучно открыла, затем закрыла рот, но, видно, поняла, что здесь ей ничего не светит, с трудом поднялась и потянула супруга за рукав.

– Ну, что же, Мария Ефимовна, – сказала Гаврилова тоном прохладным, как ночной туман, – была очень рада с вами повидаться. Мы, пожалуй, пойдем!

– Всего доброго! – кивнула Мария.

Кречинский, едва державшийся на ногах, поклонился в пояс, чуть не упал, и, схватившись за столешницу,дохнул на хозяйку салона густой смесью дешевых сигарет и коньяка:

– А насчет картины вы подумайте. Я ведь кому попало не предлагаю!

– Володенька, пойдем! – быстро сказала Вера и подхватила его под руку.

Мария выдержала паузу с каменным лицом, и только когда семейная чета почти вывалилась за порог, бросила вслед:

– Вера, я подумала... Наверное, мы сможем помочь друг другу!

Журналистка мигом обернулась, глазки ее вспыхнули, щеки порозовели. Она тотчас забыла о муже, который, лишившись поддержки, медленно стек по стенке и опустился возле двери на корточки, что-то бормоча и совершая нелепые пассы руками. Верочка же шагнула навстречу Сотниковой и радостно выпалила:

– Конечно! Ведь я затем и пришла!

Глава 8

Машина с трудом преодолела снежный занос и вкатилась во двор дома. Кирилл припарковался на свободном пятачке, забрал с заднего сиденья папку с документами, накинул на голову капюшон куртки и вышел наружу. Ноги утонули в снегу по щиколотку и тотчас замерзли, а мороз крепко цапнул за щеки и нос. Миронов подумал, что надо бы не выпендриваться и переодеться в зимние сапоги. В ботинках с тонкой подошвой можно дофорситься до серьезных болячек, но в них сподручнее управлять автомобилем.

«Э-хе-хе!» – вздохнул Миронов. Впереди еще два месяца зимы. И сколько раз за это время придется откапывать машину после снегопада, заводить ее в мороз или давить на тормоза в гололед. И мерзнуть, мерзнуть, как цуцик, при выезде на место преступления куда-нибудь в чистое поле. Впрочем, на городских улицах морозы не меньше, разве что стены домов от ветра защищают...

Пытаясь увернуться от снежных зарядов, Кирилл рысью преодолел оставшийся участок двора, вошел в подъезд и скачками помчался по лестнице вверх. Четвертый этаж – не двадцатый, можно и пробежаться, тем более сегодня он слегка засиделся в кабинете. Сначала работал с документами, затем участвовал в допросе наркомана, который отнял у старушки в подъезде пенсию и причинил ей легкие телесные повреждения. Но все это были цветочки в сравнении с разносом, который учинил ему начальник криминальной полиции. Вечером полковник Шишкарёв собрал на совещание руководителей всех оперативных подразделений, собрал неожиданно, впрочем, жизнь опера всегда полна неожиданностей. Грозный вид полковника не сулил ничего хорошего, и громы и молнии обрушились на головы подчиненных немедленно.

– Кто-то из вас, спрашиваю, в курсе, какая обстановка в стране? – Полковник начал совещание с риторического вопроса.

Подчиненные переглянулись и приняли удрученный вид. Политическая обстановка была сложной, кто бы сомневался. В соседней стране стреляли, бомбили города и села, оттуда прибывали потоки беженцев, тонкий ручеек докатился и до их региона. Измотанные, нервные женщины, испуганные дети и мрачные мужчины, которые оставили позади всю свою жизнь, в будущее тоже смотрели без оптимизма. Из Москвы прислали циркуляр: беженцам содействовать, но взять на карандаш. Мало ли кто приезжает...

Но опасения насчет беженцев по большому счету не оправдались. Правда, пьяные молодчики, сбежавшие от призыва в армию, пытались на день ВДВ выкрикивать оскорбления в адрес президента приютившей страны, но бывшие российские десантники крепко наkostenяли им по шее, и крикуны убралась восвояси еще до приезда полиции. Были еще мелкие стычки, в ноябре, к примеру, два пацана и девица выбросили желто-голубой флаг на демонстрации коммунистов, но вынуждены были бежать со всех ног от рассерженных ветеранов труда и прятаться за спины бойцов ОМОНа, которые наблюдали за порядком на митинге. Ближе к Новому году несколько фонарных столбов в центре города кто-то выкрасил в национальные цвета Украины, но хулиганов быстро вычислили. Ими оказались подростки из соседней школы, которые не подозревали о трех уличных видеокамерах, запечатлевших их художества. Подростки тоже получили по шее, но уже от родителей, которым пришлось заплатить немалый штраф за порчу казенного имущества.

Но в целом криминальная ситуация почти не изменилась. Беженцы большей частью были слишком напуганы и растеряны, чтобы затевать провокации и перевороты. Местный же преступный мир держался в привычных болотистых берегах, где-то подсыхая, где-то выбрасывая избыток грязи.

Но полковник Шишкарев вряд ли собрал бы экстренное совещание, чтобы обсудить ситуацию в стране. Он сидел во главе длинного стола для заседаний в своем кабинете и буравил подчиненных взглядом, который не сулил ничего хорошего.

– В области объявлено очередное усиление! – чеканил он слова, а вместо точки опускал внушительный кулак на стол, словно припечатывал каждую фразу. – Вы сводки с утра читаете? Мне их вот сюда, – звучно шлепнул он ладонью по столешнице, – метровыми простынями складывают! Бытовуха зашкаливает! Квартирные кражи – рост десять процентов, вы понимаете, десять! Разбои – восемь, грабежи – семнадцать! А карманные кражи? Карманные кражи – пятьдесят процентов! Вполовину выросли!

– По грабежам в основном фигурируют мобильники, – пробурчал один из начальников отдела. – Молодежь смартфоны из рук не выпускает и зачастую сама провоцирует преступников! А карманные кражи... Так в прошлом месяце их две было, а в этом – три. Вот вам и пятьдесят процентов роста!

– Ты, Охотников, особо не умничай! – взвился полковник. – За прошлый год вообще ни одной карманной кражи! А тут вдруг – нате вам за два месяца!

– Так ведь задержали карманника! – не сдавался Охотников. – Гастролер из соседней области!

– Подполковник, – Шишкарев покраснел от гнева, – тебе погоны жмут? Вот когда подниму, тогда и ответишь! Чего поперед бабки в пекло лезешь?

– Виноват, товарищ полковник! – Охотников вскочил на ноги и вытянул руки по швам.

Шишкарев махнул рукой:

– Ладно, присаживайся!

И перевел грозный взгляд на подчиненных.

– Заметьте, в этой беде главным образом не беженцы виноваты, а те урки, что за девяностые свое отсидели! Почему не работаем с этим контингентом? Почему рецидив у нас чуть ли не сто процентов? Может, потому, что вы, господа офицеры, мышей не ловите?

«Господа офицеры» мрачно молчали, прикидывая, кого полковник поднимет первым, заставит стоять по стойке «смирно» и начнет снимать стружку и разделявать под орех.

– Да что там квартирные кражи? – Полковник клокотал, как чайник. – У нас маньяк по улицам разгуливает, на женщин нападает... Сколько уже пострадавших? Пять?

– Четыре! – угодливо подсказал кто-то из сидевших ближе к началству.

Кирилл не рассмотрел, кто именно поспешил выслужиться. Но не больно и хотелось!

– Четыре? И мы спокойно ждем пятую жертву? Вы хотите, чтобы народ на митинги вышел, мол, моя полиция меня не бережет? А моя полиция в шесть вечера по домам разбегается! Того гляди пресса про серию пронюхает. – Полковник обвел всех угрюмым взглядом. – Хотите на всю страну прославиться?

Всероссийской славы, естественно, никто не хотел, и Шишкарев прекрасно знал, что водит напраслину: в шесть вечера никто по домам не разбегался, но кто бы осмелился спорить с начальством? Сборы по тревоге, планы «Перехват», «Вулкан-4» и «Вулкан-5», а накануне Нового года антитеррористические учения личного состава «Ураган» превратили жизнь сотрудников в сплошной аврал. Усиления накладывались друг на друга, как блины, полиция пахала без отпусков и выходных, опера носились, как угорелые, пытаясь выйти на след маньяка, но тот, по всему выходило, не понаслышке знал, как себя обезопасить и обойти ловушки полиции.

Кирилл предусмотрительно спрятался за спины коллег, надеясь, что жесткая длань начальства промахнется, но, естественно, просчитался.

– Миронов! – рыкнул Шишкарев. – Ты где?

Майор вскочил на ноги. А куда деваться? И молодецки гаркнул:

– Здесь, товарищ полковник!

– Ишь, герой! – Шишкарев смерил его взглядом. – Есть что-то новое по маньяку?

– Работаем, товарищ полковник! – бодро сообщил Миронов. – Выявляем связи, выясняем контакты потерпевших, проверяем версии, но результаты пока мизерные. Похоже, преступник выбирает свои жертвы наугад, в пределах центральных улиц города. В частный сектор он не лезет, хотя там как раз условия для нападения идеальные. А если так, остается надеяться, что он рано или поздно на чем-нибудь проколется, попадет, к примеру, в поле обзора видеокамер.

– Рано или поздно? И сколько ждать прикажешь? Пока счет на десятки не пойдет?

– Никак нет! Не пойдет! – Миронов несколько скис, но пока держался, смотрел в глаза начальству. – Не допустим! Плотно взаимодействуем с участковыми, дворниками, со старостами микрорайонов, квартальными и старшими домов. Но у нас даже фоторобота нет. Ни одна из пострадавших лица преступника не разглядела. Попыток ограбления не зафиксировано. Он ничего не берет: ни денег, ни телефонов. Напал, порезал и смылся. И места, как на грех, глухие – камеры отсутствуют, и свидетелей по позднему времени трудно сыскать. Даже собачников! Одно могу сказать точно: преступник пасет свои жертвы, не с кондачка нападает. И орудие нападения нестандартное, с очень тонким лезвием, вроде скальпеля или канцелярского ножа.

– Канцелярского? – задумчиво переспросил полковник и выудил из пластикового стакана нож с ярко-розовой ручкой. – Вот такого?

– Вроде того! – кивнул Миронов. – Или опасная бритва. Орудия тоже не нашли. Видно, уносит с собой.

– Видно, видно! – передразнил Шишкарев. – Ничего не видно! Плохо работаете, товарищ майор. Четыре нападения! Четыре изуродованные женщины! А мы тут рассуждаем: видеокамер нет, свидетелей нет! А как раньше без видеокамер работали? Без компьютеров? Без «Полиграфов» и прочих штучек-дрючек? И, заметьте, пострашнее выродков задерживали. Что? Никаких зацепок до сих пор?

– Что толку от этих зацепок? – буркнул Кирилл и отвел взгляд в сторону. – Есть у нас показания последней потерпевшей. Крупный мужик в темной куртке. Но зима ведь! Все в куртках, пуховиках. Одежда в основном темная. Тут все силы нужно задействовать, а у меня людей не хватает! Работу по другим УД никто не отменял!

– Вот жалко тебя, сил нет! – скривился полковник. – Сейчас заплачу! Но как бы нам не пришлось кровавыми слезами умыться! Помяни мое слово, скоро этой твари надоест резать, и он начнет убивать. Тогда не взыщи, Миронов, с меня три шкуры спустят, а я с тебя – семь!

Кирилл стоял навтыжку перед начальством с непроницаемым видом. Нашел чем пугать! Где-то на третьей жертве ему в голову пришла та же самая мысль. Ненависть неизвестного к беззащитным женщинам словно крепла день ото дня. Когда же в больницу доставили четвертую, с располосованным в ключья лицом, Миронов понял: маньяк не успокоится и наверняка скоро начнет убивать. Так в любом деле: входишь во вкус и не можешь остановиться.

Он думал о неизвестном маньяке еще два пролета, вплоть до дверей своей квартиры. Миронов отпер их, шагнул через порог и замер от неожиданности, узрев супругу в весьма пикантной позе. Ольга отчего-то на ночь глядя вздумала вымыть пол в прихожей. В ушах ее торчали наушники. Она возила тряпкой по линолеуму и что-то фальшиво напевала. Высоко задранный халат открывал длинные, все еще стройные ноги. И Кирилл, ну как упустить такой момент, шутя, конечно, шлепнул папкой по тугим ягодицам. Но, видно, не рассчитал силушку. Жена взвизгнула, резко выпрямилась, опрокинула ведро с грязной водой, и, подхватив мокрую тряпку, мигом развернулась.

– Ой! – басом сказал Кирилл и попятился.

В голове мелькнула испуганно мысль, уж не ошибся ли он квартирой, потому что перед ним стояла абсолютно незнакомая молодая женщина с грозно поднятой тряпкой в руках.

Он бросил торопливый взгляд по сторонам. Нет, не ошибся! Его прихожая, его дверь с треснувшим стеклом в ванную и даже машинка сына Васьки в углу, та самая. И халат на девице Ольгин, и даже закрученное наподобие чалмы полотенце на голове – родное, из той же ванной.

Девица замахнулась, Кирилл отпрянул назад. Тут из кухни выскочила Ольга в спортивном костюме, с растопыренными пальцами и свежим лаком на ногтях, недоуменно уставилась на мужа, затем перевела взгляд на девицу.

– Что за шум, а драки нет? – и с ходу наступила в грязную лужу. – Мама дорогая! Женька, Кирилл, вы что тут, с ума сошли?

– Это все он! – с чувством сообщила девица, бросила тряпку и кивнула на Кирилла. – Подкрался сзади, да как шлепнет по заднице! С размаху!

Все мигом встало на свои места. Ну, конечно, Женька! Ольгина племянница, дочка старшей сестры. Кирилл в последний раз видел ее лет десять назад, совсем еще подростком.

Ольга нахмурилась и переспросила сладким голосом:

– За что он тебя схватил с размаху?

– Не схватил, а шлепнул! – торопливо уточнил Кирилл. – И не рукой, а папкой. Но я люблю! Откуда мне знать, что это Женька! И халат твой, и полотенце... Ну не сориентировался, голова другим занята! – И умоляюще улыбнулся. – Простите, девчонки, утомленного жизнью опера!

Ольга показала ему кулак, но не выдержала и рассмеялась. Похоже, ошибка Кирилла пришла ей по душе. К тому же он искренне смутился, покраснел и принялся неуклюже оправдываться. Племянница неуверенно улыбалась и косилась на тетку, та неподдельно над ними потешалась. Наконец сжалилась и приказала весь этот цирк прекратить немедленно!

Миронов с облегчением вздохнул и взялся ликвидировать последствия потопа, а женщины быстро накрыли стол к ужину. Заодно объяснили столь позднюю уборку. Оказалось, Женя приехала в гости с подарками и, поспешив осчастливить тетку, прямо в прихожей разбила одну из трех бутылок с домашней настойкой. Ольга в то время приводила руки в порядок, поэтому всучила племяннице тряпку и велела убрать лужу, пока не пришел муж и не прилип к полу. Муж к полу не прилип, но то, что случилось дальше, было не менее забавно.

Под салатки и куриные рулеты с грибами они уговорили бутылку наливки. Майор размяк, повеселел, много шутил и договорился до того, что красивые попки у Ольги и Жени – семейное достояние. Ольга назвала мужа гусаром, а Женя стала оправдываться, что не слышала, как он вошел, иначе одернула бы подол халата...

Кирилл с досадой махнул рукой, дескать, все это глупости, и, чтобы перевести разговор в другое русло, спросил:

– Ты с чего вдруг приехала? В институт поступать?

– Поступать? – фыркнула Женя. – Скажешь тоже! За машиной я приехала. Говорят, у вас «японки» дешевле, да и выбор больше! – и протянула Кириллу телефон. – Я кое-что уже присмотрела! Но не знаю, как туда добраться.

Улыбка красавицы на экране сияла едва ли не ярче, чем вывеска с названием автосалона. И сама красавица была слишком хорошо знакома Миронову.

– Надеюсь, хоть в субботу освободишься пораньше! – сказала Ольга и попросила: – Отвези девочку! И быстрее будет, и безопаснее!

– Завтра работаем, как всегда, до потери сознания! – нахмурился Миронов. – Если только во второй половине дня...

– Прекрасно! – обрадовалась Женя. – Я к тому времени выплыву и подъеду, куда скажешь!

– Хорошо! – согласился Кирилл. – Если обстоятельства не изменятся, отвезу тебя в салон!

И подумал, что роковой красавице с рекламы на всякий случай нужно позвонить заранее.

Глава 9

Как и следовало ожидать, за ночь машину завалило снегом. Утром Кирилл вышел из подъезда и слегка растерялся при виде десятка одинаковых сугробов. И только нажав на брелок сигнализации, по виноватому повизгиванию и слабому мерцанию фар сквозь снежное одеяло понял, где следует копать.

Первым делом он освободил багажник, вынул скребок и щетку и принялся сметать глыбы снега и сдирать наледь с автомобиля, размышляя попутно, не одолжить ли у дворника лопату, чтобы расчистить выезд, а то ведь, не дай бог, застрянешь и опоздаешь на службу. Начальство кивков на стихию не принимало! Знал, что снегопад в городе? Знал! Значит, должен был подняться затемно, ликвидировать проблему и вовремя заступить на пост. И кому какое дело, что сегодня суббота! У полицейского – ненормированный рабочий день, плавно переходящий в ночь, без выходных и праздников. За то ему и зарплату приличную платят. А хочешь отдыхать в выходные, увольняйся и вали на гражданку.

Майор Миронов валить на гражданку не собирался, поэтому проснулся раньше обычного, через час освободил «Тойоту» из плена и выехал со двора. И понял, старания были напрасны. К началу рабочего дня он не успевал однозначно. Засыпанный снегом город стоял в огромной пробке. Коммунальщики не справлялись с расчисткой проезжей части: за сутки выпала годовая норма осадков. Водители раздраженно сигналили и перемигивались фарами. Огни светофоров едва пробивались сквозь толстый слой инея, а на проблемных участках уже появились машины ДПС. Деревья в пушистых шубах, казалось, плавали в морозном тумане, сквозь который изредка проступали неясные силуэты. То редкие горожане, отчаявшись добраться на транспорте, спешили по делам, скользя и падая на ледяных горбушках.

Его «Тойота» в плотном потоке заиндеветивших машин также плевалась выхлопными газами, ворчала и буксовала в снежной колее. Кирилл несколько раз выходил из машины, с тоской смотрел вперед, в сизое марево, куда уплывала, как гигантский рыбный косяк, бесконечная череда автомобилей, и понимал, что пробка – надолго, если не навсегда, и вырваться из нее столь же невероятно, как оказаться сию минуту на тропических островах. Тут не помог бы и проблесковый маячок, который он возил с собой на экстренный случай, и даже сирена. Затертый с одной стороны фургоном с надписью «Молоко», а с другой – грузовиком с вышкой экстренной службы электросетей, Миронов чувствовал себя неуютно. В груди росло и ширилось беспокойство, мрачные предчувствия окончательно испортили настроение.

В какой-то момент он позавидовал Ольге и Женьке. Хорошо им, дрыхнут себе безмятежно, и голова ни о чем не болит. А вот у него после вчерашнего голова болела, и сильно. Они так активно включились всей семьей в импровизированную вечеринку, что не заметили, как уснул на диване сынишка. Васька под шумок дольше обычного смотрел мультфильмы, а потом уткнулся головой в подушку и затих. Впрочем, после двух бутылок наливки взрослые тоже вырубались. Что было дальше, Кирилл помнил слабо. Ольга, кажется, сама уложила сына в постель, сославшись на то, что муж едва тепленький. Ночью им вроде как овладело игривое настроение, и, сдается, за это он получил от жены по рукам. Но завершил ли задуманное злодейство, так и не вспомнил.

Телефонный звонок заставил его вмиг забыть о головной боли.

– Миронов, черт побери, ты где? – выкрикнул в трубку старший оперативный дежурный по управлению.

– Где я могу быть? В пробке торчу!

– Сейчас пришлю водителя, он твою машину доставит на стоянку, а сам давай скоренько дворами к ГУВД. Труп у нас! Женский! Бригаду я уже отправил.

– Бомжиха? – со слабой надеждой на то, что все образуется, уточнил Миронов.

Мало ли? Вдруг и впрямь бездомная или пьянчужка запойная? Сколько их замерзает зимой! Но дежурный надежду развеял сразу.

– Нет, не бомжиха. Баба в дорогой шубе. И... это... Кирилл...

– Да? – Майор подобрался, понимая, что предчувствия его не обманули.

– Лицо у нее изрезано! Мне как про лицо доложили, я сразу понял, тебя нужно срочно вызывать!

– Замечательно! Я как чувствовал, подметки рвал! – зло выдохнул Кирилл и открыл дверцу, завидев сержанта – водителя служебного автомобиля, который, вытянув шею, метался по обочине, выглядывая его машину.

Через пять минут майор полиции Кирилл Миронов мчался рысью через дворы к ГУВД, скользя и матерясь сквозь зубы и на погоду, и на службу свою, и на судьбу ментовскую...

На стоянке возле управления уже поджидала служебная «Волга» на всех парах. Дежурный по управлению высунул голову в окно.

– Давай! Быстрее! Поехали!

Миронов плюхнулся на заднее сиденье. И, еще задыхаясь от бега, спросил:

– Давно труп нашли?

– Минут сорок назад, – ответил дежурный. – Люди на работу пошли, ну и увидели.

– Сегодня суббота, – напомнил Кирилл.

– Ну и что? – удивился дежурный. – Ты работаешь, я работаю. Вдруг у них смена на заводе или в магазине. Идут себе, идут, а там ноги из сугроба.

– Ноги?

– А я знаю? Может, и руки.

– Руки, ноги, главное – хвост! – процитировал Кирилл известный мультик и вздохнул. Маньяк, похоже, возжелал более сильных ощущений.

Дворик, где лежала погибшая, был тихим, и одно это подсказывало майору, что пророчество Шишкарева сбылось. Маньяк вошел во вкус и действительно принялся убивать. Недалеко от детской площадки толпились люди: полицейские, сотрудники следственного управления, прокурорский чин, медики в красной униформе с «неотложки», еще кто-то, а поодаль – зеваки, в основном собачники, и пара дворников в желтых жилетках поверх ватных бушлатов.

Снег вокруг превратился в бурое месиво. В такой снегопад, если даже убийца стрелял из базуки и забросил ее в сугроб, шансы обнаружить оружие преступления почти равны нулю, а если он вновь использовал скальпель, значит, и вовсе искать бесполезно.

Кирилл поднырнул под полосатую ленту ограждения и подошел ближе. Эксперт-криминалист Дмитрич – пожилой, пузатый, в смешной шапке-ушанке, сидел на корточках возле убитой и записывал в большой блокнот результаты первичного осмотра. Кирилл бросил на тело быстрый взгляд.

Женщина в шубе из красивого меха цвета топленого молока лежала на спине, с задранной до бедер юбкой и приспущенными колготками. На бледной, уже начинавшей синеть коже неприятно выделялась полоска вызывающе красных кружев. Багровые комья снега, которые смерзлись в ледяную корку, покрывали не только изуродованное лицо, но и волосы, и пушистый шарф, и воротник шубы, и скрюченные пальцы жертвы, которые торчали из широких рукавов манти. Миронов вдруг вспомнил, как называются эти шубы. Ольга не раз намекала, что заслужила подобную роскошь к десятилетию совместной жизни. Миронов прикинул на глаз ее стоимость. Нет, такую шубку разве что с генеральского жалованья можно себе позволить. Обойдется Ольга дежурным колечком, а если повезет уйти в отпуск летом, то лучше направиться всей семьей в Крым или в Сочи. Васке семь лет скоро, а он еще моря не видел.

– Привет, Кирюха! – негромко сказал эксперт, даже не обернувшись.

– Здорово, Дмитрич! – ответил Кирилл и присел рядом. – Как ты узнал, что я тут?

– По сопению, майор, по сопению! Да и видел краем глаза, что подъехал. Ох, Киря, Киря, что ж такое деется? Опять баба, молодая и, наверное, красивая. Чего ж он, ирод проклятуший, не понимает?

– Думаешь, наш красавчик?

– А тут и думать нечего! – Дмитрич закричал и с трудом поднялся на ноги. – Характер ран – резаные, почти один в один с предыдущими. В принципе, не смертельные, но...

– Но в этот раз он женщину убил! – буркнул Кирилл.

Дмитрич повернулся к нему и криво улыбнулся:

– Я бы не сказал! Тяжкие телесные, но не убийство!

Кирилл с сомнением уставился на истерзанное лицо погибшей и уточнил:

– Я не ослышался? Ты сказал: не убийство?

– Если навскидку, то дамочка от ранений сознание потеряла, изошла кровью и замерзла.

Но я подозреваю другое. Смотри, вон там, в уголках губ...

Кирилл пригляделся:

– Пена, что ли?

– Похоже! – кивнул Дмитрич. – И знаешь, она почти не сопротивлялась. На руках всего один порез, возможно, самый первый.

– А юбку ты ей задрал?

– Я, конечно! Сексуальное насилие исключается. На теле ни царапины, ни ссадины, бельишко не тронут. Могу предположить, что дама – сердечница. Испуг, сердечный спазм, потеря сознания! Тут маньячелло ей личико и расписал. В отличие от тех, что были раньше, очень ровные порезы. Падаль эта – не псих однако! С крепкими нервами!

– Ты по пене на губах выводы сделал? – спросил Кирилл.

Дмитрич фыркнул:

– Кирюша, я ж не вчера родился. Пена – лишь косвенное подтверждение. В сумочке у нее – ворох рецептов и тиклопидин. Есть и другие лекарства, и тоже сердечные. Напугалась девушка, тут сердечко и подвело. Судя по сумочке, она от врачей не вылезала.

– Когда произошло нападение, можешь сказать?

Дмитрич пожал плечами:

– Только после вскрытия, Кирюша! Ты ведь понимаешь, труп всю ночь пролежал на морозе, в снегу, но думаю, где-то около полуночи или чуть раньше.

– А документы? – жадно поинтересовался Кирилл. – Документы есть?

– Есть! Куда им деваться? – невозмутимо ответил Дмитрич. – Дамочка в этом доме жила, на седьмом этаже. Опера твои разбежались по квартирам, свидетелей ищут. Обрати внимание, Кирюша, в каком закоулке на нее напали. Слева – задняя, абсолютно глухая, если не считать запасного выхода, стена магазина, справа – детская площадка и хоккейная коробка. И ни одной видеокмеры.

– Да обратил уже! – с досадой отмахнулся Кирилл. – Действительно, очень похоже на нашего мудрилу. Орудие преступления, естественно, не нашли?

– Ты как дите малое! – хохотнул Дмитрич. – Нашли бы, так первым делом доложили бы!

– Вот нисколько даже не надеялся! – буркнул Кирилл и направился к дому.

Глава 10

Снег под ногами хрустел. Шаг – хруп-хруп. Шаг – хруп-хруп. Кирилл подумал, что давно обещал с Васькой на горку, покататься на санках-ледянках, но все не получалось. Домой он возвращался поздно, чаще, когда сынишка спал. Да и Миронову было уже не до прогулок. Хотелось всего лишь принять душ, спокойно поужинать, выпить сладкого чаю с толстым ломтиком лимона и поваляться на диване под бормотание телевизора. И было в этом что-то неправильное, как будто он пропускал сквозь пальцы свою жизнь, жизни сына и жены в угоду работе, которая жирной кривой линией, раз за разом, вычеркивала то доброе и светлое, что хранилось в его сердце. А Васька рос, как на дрожжах, и удивлял воспитателей в детском саду своей основательностью и солидными рассуждениями. Например, когда обстоятельно доложил о том, как папа ловит и сажает в тюрьму плохих людей.

– Дети очень внимательно его слушали. Вася рассказывал о папиной профессии со знанием дела! – сообщила Ольге воспитательница и с озабоченным видом поинтересовалась: – Скажите, а вы уверены, что ребенку нужно сообщать о том, что его папа делает предупредительный выстрел в голову преступника?

Кирилл сначала посмеялся, а после подумал: сколько проблем можно было бы решить, делая предупредительный выстрел в голову. Поймать бы, к примеру, этого гада, что режет женщин, и раза два пальнуть ему промеж глаз. Или три. Очень хорошая профилактика!

Поднимаясь на лифте на седьмой этаж, Кирилл думал о том, что вряд ли теперь получится отвезти Женьку в автосалон, и хорошо, что он не успел позвонить Юле с утра. Пробки к вечеру если и уменьшатся, то ненамного, а раньше он просто не освободится.

Лифт остановился. Миронов вышел на площадку и сразу увидел приоткрытую дверь. Посторонние мысли улетучились мгновенно. Майор подобрался, как перед решительным броском. Запахи горя и отчаяния витали в подъезде. Кирилл шагнул через порог и кожей ощутил беду.

Дверь из просторной прихожей с зеркальными шкафами и полосатыми персидскими кушетками вела в гостиную, но там никого не было. Кирилл бегло оглядел большую квадратную комнату, пол которой устилал белый, с длинным ворсом ковер, и подумал, что в его берлоге белый ковер очень быстро стал бы серым, невзирая на все старания Ольги поддерживать чистоту. Здесь же веяло совершенно другой жизнью, другими деньгами, на которые покупались дорогая итальянская мебель, картины в тяжелых рамах, экзотические растения, шикарные шторы на окнах, телевизор в половину стены. В кресле лежала кудрявая болонка. Она подняла голову и с тоской глянула на Миронова, а он неожиданно подумал: «Вот и осиротела без хозяйки!» Почему-то ему было неловко перед собакой. Развернувшись, Кирилл пошел на голоса, доносившиеся из кухни, вернее из просторной столовой, совмещенной с кухней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.